International United Academy of Sciences

Scientific achievements of the third millennium

Collection of scientific papers

on materials

VIII International Scientific Conference

30.09.2018 г.

Part 2

LJOURNAL.RU

Los Angeles 2018

Scientific achievements of the third millennium. Collection of scientific papers, on materials of the VIII international scientific-practical conference 30.09.2018 Pub. SPC "LJournal", 2018. - 68 p.

SPLN 001-000001-0335-SA
DOI 10.18411/scc-09-2018-2
IDSP 000001: scc-09-2018-2

The collection of scientific papers of the materials collected from different areas of scientific knowledge. This publication contains all the materials that were sent to the VIII International scientific conference **"Scientific achievements of the third millennium"**

The collection is intended for researchers, teachers and students

All materials contained in the book, published in the author's version. The editors do not make adjustments in scientific articles. Responsibility for the information published in the materials on display, are the authors.

Information about the published articles will be transferred in the Russian Science Citation Index (RISC)

The electronic version of the collection is available online scientific publishing center «Science Conf" Site center: science-conf.com

UDC 001.1
LBC 60

Contents

РАЗДЕЛ IV. ФИЛОСОФИЯ.....	5
Попов В.В., Музыка О.А. Субъективное время в рамках социальной транзитивности и трансформаций	5
РАЗДЕЛ V. ПСИХОЛОГИЯ	10
Акимова М.К., Галстян О.А. Региональные различия помогающего поведения студенческой молодежи	10
Зайцева М.В. Техника эхоповтора как аналога внутренней речи при освоении иностранного языка.....	14
РАЗДЕЛ VI. ЭКОНОМИКА	18
Denenberg Y.M., Surnina K.S. Regional features of ensuring economic security of the budgetary sphere	18
Kaldybayev Y. K., Orazalyev B.M. Economic risks in Kazakhstan	22
Абдурахманов К. Демографические процессы в Узбекистане: вызовы и перспективы	27
Бурханов С.Б., Кучеренко Л.В. Анализ развития социально - экономического проекта «Свободный порт Владивосток»	31
Суходей А.Ф., Голова И.М. Угрозы развития российских научно-технологических парков как проблема экономической безопасности	34
Чернышова О.Н., Федорова А.Ю., Турбина Н.М. Анализ направлений работы банков с проблемными кредитами	37
РАЗДЕЛ VII. МЕНЕДЖМЕНТ	42
Родионова Е.А., Маклакова А.А., Доминяк В.И. Взаимосвязь удовлетворенности трудом сотрудников с направленностью руководителя.....	42
РАЗДЕЛ VIII. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	48
Brisov Y.V. How the courts exorcise demons from legal body or a new standard for a bona fide purchaser in Russia	48
Пролетенкова С.Е., Быков Б.А. Ведомственная оценка эффективности деятельности подразделений ОВД по противодействию коррупции и обеспечению экономической безопасности.....	53
РАЗДЕЛ IX. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	57
Oidov K. Brief historical background of Mongolian democracy	57

РАЗДЕЛ X. ГЕОГРАФИЯ.....	63
Липина Л.Н., Усиков В.И., Королев К.А. Дистанционный мониторинг процессов антропогенного воздействия на земельные ресурсы в районе строительства полигона твердых коммунальных отходов (на примере Николаевского района, Хабаровского края).....	63

РАЗДЕЛ IV. ФИЛОСОФИЯ

Попов В.В., Музыка О.А.

Субъективное время в рамках социальной транзитивности и трансформаций

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал)

(Россия, Таганрог)

doi 10.18411/scc-09-2018-13

idsp 000001:scc-09-2018-13

Аннотация

В статье рассматриваются различные аспекты субъективного времени в контексте социальных трансформаций. Показывается, что изучение субъективного времени в контексте различных социальных трансформаций и социального развития вообще предполагает выход на целый ряд социально-философских аспектов. Рассматриваются случаи, когда разделение субъективного времени человека и психологического времени человека может проходить с точки зрения широких концептуальных систем, в рамках которых обсуждаются те или иные понятия. Исследуется феномен темпоральности человеческого сознания.

Ключевые слова: субъективное время, социальная трансформация, психологическое время, социальный субъект, рациональная деятельность, человеческое сознание.

Abstract

The article deals with various aspects of Subjective time in the context of social transformations. It is shown that the study of subjective time in the context of various social transformations and social development generally involves a number of socio-philosophical aspects. The cases when the division of subjective time of the person and psychological time of the person can pass from the point of view of wide conceptual systems within which these or those concepts are discussed are considered. Examines the phenomenon of the temporality of human consciousness.

Key words: subjective time, social transformation, psychological time, social subject, rational activity, human consciousness.

Актуальность. Изучение субъективного времени в контексте различных социальных трансформаций и социального развития вообще предполагает выход на целый ряд аспектов, которые непосредственно касаются данного вопроса. В этом направлении в социально-философской литературе обозначились различные моменты, так или иначе отстаиваемые современными учеными как в нашей стране, так и за рубежом, причем на ведущую роль выходит своеобразный анализ корреляции между биологическим, психологическим и субъективным временем[1],[2],[3].

Основная часть. Если обратиться к историко-философским источникам, то можно говорить, что и в античности, в средневековье и в Новое время в современных западных философских школах эта проблема обсуждалась достаточно серьезно, можно привести такие известные имена, как: Ницше, Гуссерль, Тойнби, Хайдеггер и много других философов, которые, рассматривая различные аспекты времени с точки зрения его субъективности иногда сознательно, иногда и не сознательно смешивали, например, вопросы, касающиеся соотношения психологического и субъективного времени социального субъекта. Это действительно реальная проблема, которая имеет

глубокие историко-философские корни и поэтому, в настоящее время, вполне, естественно, обращение к ней, тем более, что фундаментальных работ в современной литературе существует не так уж и много, а имеющиеся – не всегда однозначно рассматривают именно синтез аспектов этого времени, так как в большей части исследований приоритет отдается во- многом либо психологическому времени, либо субъективному времени[4],[5],[6],[7].

Это, конечно, может зависеть и от индивидуальных пристрастий самого исследователя и, возможно, от той философской школы, к которой он принадлежит, но в любом случае подобные перекосы не являются позитивом для общей картины субъективного времени. Особо следует отметить, что когда происходит подобный синтез или когда дискурс идет на уровне какого- то сравнения, то необходимо учитывать то, что современная психология вообще имеет приоритет в различных отраслях гуманитарного, социального, общественного знания, поэтому, когда разговор заходит о психологическом времени, то, безусловно, следует вести дискурс о том, что имеем дело с междисциплинарным исследованием[8],[9],[10],[11].

Важно подчеркнуть тот момент, что если субъективное время социального субъекта в контексте социального развития рассматривается как моментное, как часть социально-философского исследования с выходом на ее онтологические проблемы, то субъективное время, в данном случае, ни в коей мере, во- первых, не отделяется от самой психологии, а, с другой стороны, его привлечение в научный дискурс, в большей мере, связано с тем, что действительно в сознании человека нередко возникает вопрос о тех или иных фрагментах самого сознания человека, тем более, что историко-философская мысль, и особенно философия жизни, феноменология, философская антропология показали то, что субъективное время человека и психологическое время иногда рассматривались как одно и то же[12],[13].

Безусловно, это заблуждение, так как оперируем совершенно разными не только концептами, но и концептами, принадлежащие к разным категориальным рядам, но вычленив это не так просто, тем более, в рамках различных философских школ такая проблема в общем- то и не ставилась. На наш взгляд, в данном случае, когда речь заходит о том, что в том или ином социально-философском контексте появляется термин психологическое время нужно обращать внимание на то исследование, которое в данном случае проводится, то есть на цель, на задачи, на самого социального субъекта, потому в большинстве случаев субъективное время человека связано действительно с серьезными фундаментальными философскими проблемами и, прежде всего, с различными версиями становления человеческого бытия на различных уровнях самого социального бытия, в то время как психологическое время в подобных контекстах, в принципе, и не может встречаться.

Конечно, когда исследуется феномен человеческого сознания, то достаточно часто ученые, занимающиеся подобной проблематикой так или иначе выделяют психологическое время в качестве самостоятельного времени, в данном случае не будем проводить дискуссии на счет этой самостоятельности, потому что специальный анализ психологического времени – это не тема настоящей работы, но подчеркнем, что такие исследования в общем-то пытаются, так или иначе, поставить субъективное время и психологическое время практически на один уровень исследования, это, безусловно, не является правильным и адекватным потому, что, с одной стороны, исследуем фундаментальные философские проблемы, связанные не только с сознанием человека, но и непосредственно с выходом сознания в плоскость социального развития, с другой стороны, когда речь идет о психологическом времени, в большей степени, ученые чаще всего обращают внимание на экспериментальный характер тех или иных моментов психологическом времени, что, естественно, связано с проблемами психологического развития[14],[15].

С другой стороны, следует отметить такой момент, что изучение психологического времени, его феноменов, как показывает практика, все же предполагает ряд проблем, связанных с семантическими и концептуальными затруднениями. В этом направлении, на наш взгляд, проблема проявляется тогда, когда ученые пытаются психологические феномены выразить в строгой концептуальной системе и подобное утверждение имеет право на существование, но если посмотреть с иной стороны, а именно с позиции того, что сама психологическая наука находится в настоящем ее понимании на стыке диалектических и прикладных аспектов, хотя никто их и не отменяет, но все же, в данном случае, следует говорить о том, что если акцент делается на прикладных аспектах, то достаточно сложно говорить о каких-то теоретических или метатеоретических вопросах, которые внесли бы ту или иную ясность относительно особенностей психологического времени[16].

При этом подобную ясность не нужно вносить относительно субъективного времени. Вообще, в данном случае, можно и представить проблему в более общем виде, когда субъективное время непосредственно относится к характеристикам и параметрам человеческого сознания и может коррелировать лишь с некоторым повседневным опытом, что в общем-то не противоречит определенному диалектическому синтезу теоретических и прикладных аспектов психологического времени социального субъекта. То есть, в подобной ситуации правомерно утверждать о том, что, прежде всего, разделение субъективного времени человека и психологического времени человека может проходить с точки зрения широких концептуальных систем, в рамках которых обсуждаются те или иные понятия. Ясно, что субъективное время будет находиться в парадигме общенаучных человеческих понятий, что же касается психологического времени, то о нем так однозначно сказать нельзя, потому что подобный концепт возможно представить в рамках самой психологической науки и тогда выйти на определенный теоретический уровень[17],[18].

При этом, когда требуется практическое воплощение подобного понятия, то, безусловно, нужно выбирать такой концептуальный аппарат, который характерен для каких-то специальных исследований и специальных наук, более того, в последнем случае можно говорить и о том, что в отличие от общефилософского взгляда на время психологическое, оно имеет ряд определенных моментов, которые требуют особого специального изучения с привлечением не только философских методов, но и методов других наук, например, физиологии, биологии и ряда других наук, но, между тем, возможно по-разному, в данном случае, понимать сознание человека, тот социальный опыт, который человек приобретает в процессе осознания социального развития собственно в котором он живет, проблема рассмотрения синтеза или соотношения социального и психологического времени получит определенное разделение и на уровне того, как и по каким направлениям человек использует субъективное и психологическое время.

В последнем случае, и это доказали представители философии жизни, феноменологии, философской антропологии, то логически время может быть вынесено и за рамки общефилософских категорий, чтобы выступить определенной прикладной категорией собственного опыта человека. Следует обратить внимание на такой достаточно важный аспект, что когда исследователь связывается с психологическим временем на уровне тех или иных прикладных аспектов, то появляется желание перейти к более общим проблемам и эти проблемы в общем-то предполагают свой стилистический концептуальный аппарат, который явно не совпадает с концептуальным аппаратом субъективного времени, конечно, определенные аналогии и параллели провести можно, но, с одной стороны, дискурс идет о фундаментальных проблемах времени, с другой, имеется междисциплинарная проблема

психологического времени, связанная как с некоторыми теоретическими моментами психологическом времени, так и, в большей мере, с его прикладными аспектами.

При этом стоит отметить, что действительно в рамках социальной философской литературы достаточно часто возникают ситуации, когда идет своеобразное переплетение психологического и субъективного времени с позиции тех или иных действий исследователя, то есть социального субъекта, это вполне оправданно так как речь, в этом случае, речь, безусловно, заходит о некоторой корреляции реального времени человека с теми действиями, которые он осуществляет и, конечно, в подобных случаях, правомерно рассуждать о том, что концептуальный ряд понятий, которые для этого используются, будет достаточно широким, так как проблемы касаются и переживания времени, его ощущения, представления времени, и его отражения. Понятно, что при таком достаточно широком спектре проблем, так или иначе субъективное и психологическое время будут увязываться во многих контекстах. Кстати подобный вопрос, на который авторы обратили внимание, в настоящее время не нашел должного осмысления в рамках интерпретации философских и социально-философских исследований как в нашей стране, так и за рубежом.

Заключение. Подчеркнем, что концепты подобной длительности субъективного времени, его оценки организации социального субъекта в контексте субъективного времени в настоящее время не получили должного изучения в рамках социальной философии, отдельные фрагменты подобной проблемы, действительно, имеются в рамках социологического знания и, даже в рамках психологии, но они фрагментарны, говорить о каком-то системном подходе в данном случае не приходится.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта “Трансформация стратегий исследования динамики социальной реальности”, № 16-33-00003-оги\18

1. Делокаров К. Х. Синергетика и познание социальных трансформаций// Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности // М., 2003. 584 с.
2. Попов В.В., Музыка О.А., Киселев С.А. Концепция транзитивности и трансформации общества // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017.- № 1-2.- С. 365-368.
3. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Противоречия в контексте переходных периодов транзитивного общества // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 7-0. С. 111-114.
4. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А., Уколов А.О. Особенности глобализации в контексте социальной синергетики// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 8-2. С. 307-310.
5. Попов В.В., Щеглов Б.С., Лойтаренко М.В. Особенности интегральной интерпретации вероятности в контексте факторов оценки и темпоральности // Философия права. 2015. № 2 (69). С. 23-27.
6. Попов В.В., Лойтаренко М.В. Социальная нестабильность в информационном обществе // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 4. С. 198-199.
7. Попов В.В. Концепция прошлого в контексте исторического процесса// Философия права. 2010. № 5. С. 72-74.
8. Попов В.В., Музыка О.А. Специфика интервальной концепции времени: опыт концептуализации // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 3-1. С. 36-39.
9. Попов В.В., Музыка О.А. Фактор темпоральности в контексте бытия социального субъекта // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 3. С. 40-43.
10. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А., Темпоральность и транзитивность в историческом процессе // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 7-6. С. 1110-1113.
11. Попов В.В., Щеглов Б.С., Лойтаренко М.В. Особенности интегральной интерпретации вероятности в контексте факторов оценки и темпоральности// Философия права. 2015. № 2 (69). С. 23-27.
12. СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ Емельянов С.Г., Голик Н.И., Новикова И.В., Чиркова М.Б., Федосов П.Е., Золоторев В.Н., Попов В.В., Овчинникова Т.И., Клойзнер В.Д., Девяткин Г.Т., Вавулин Д.А., Тимошенко О.А., Варламова

- Т.П., Лахнова Т.В., Могилевская Г.И., Лаврентьева И.В., Великая Е.Г., Литвинова А.В., Семенов В.А., Исупова О.А. и др. Воронеж, 2003. Том Книга 3.
13. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А., Уколов А.О. Особенности глобализации в контексте социальной синергетики// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 8-2. С. 307-310.
 14. Россия и мир: 2013. Экономика и внешняя политика. ежегодный прогноз. Дынкин А.А., Барановский В.Г., Адно Ю.Л., Афонцев С.А., Богаевская О.В., Володин А.Г., Кудинова О.Н., Кузнецов А.В., Леонтьева Е.Л., Луконин С.А., Мачавариани Г.И., Миркин Я.М., Никитина Е.Н., Попов В.В., Сергеев П.А., Амиров В.Б., Андреев Ф.А., Вода К.Р., Громогласова Е.С., Звягельская И.Д. и др. Руководители проекта - А.А.Дынкин, В.Г.Барановский; подготовлен ИМЭМО РАН, ЦСА РАН и ФПИИ в сотрудничестве с ТПП РФ. - Москва, 2012.
 15. Россия и мир: 2012. Экономика и внешняя политика. ежегодный прогноз. Дынкин А.А., Барановский В.Г., Адно Ю.Л., Афонцев С.А., Богаевская О.В., Володин А.Г., Кудинова О.Н., Кузнецов А.В., Леонтьева Е.Л., Луконин С.А., Мачавариани Г.И., Миркин Я.М., Михеев В.В., Никитина Е.Н., Попов В.В., Сергеев П.А., Закревская Я.А., Васильев А.Д., Вода К.Р., Володина М.А. и др. Руководители проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский; ИМЭМО РАН, ЦСА РАН, ФПИИ, ТПП РФ. - Москва, 2011.
 16. Современное предпринимательство: социально-экономическое измерение. Емельянов С.Г., Голик Н.И., Новикова И.В., Чиркова М.Б., Федосов П.Е., Золоторев В.Н., Попов В.В., Овчинникова Т.И., Клойзнер В.Д., Девяткин Г.Т., Вавулин Д.А., Тимошенко О.А., Варламова Т.П., Лахнова Т.В., Могилевская Г.И., Лаврентьева И.В., Великая Е.Г., Литвинова А.В., Семенов В.А., Исупова О.А. и др. Воронеж, 2003. Том Книга 3.
 17. Попов В.В., Щеглов Б.С., Грановская М.В. Специфика концепта интервал в исследовании социальных процессов//Фундаментальные исследования. 2015. № 2-4. С. 872-875.
 18. Попов В.В. Логические и теоретические модельные аспекты исследования темпоральности в социально-философском дискурсе//Научная мысль Кавказа. 2006. № 1. С. 24-27.

РАЗДЕЛ V. ПСИХОЛОГИЯ

Акимова М.К., Галстян О.А.

Региональные различия помогающего поведения студенческой молодежи

*Институт психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного
гуманитарного университета
(Россия, Москва)*

*Государственный гуманитарно-технологический университет
(Россия, Орехово-Зуево)*

doi 10.18411/scc-09-2018-14

idsp 000001:scc-09-2018-14

Интерес исследователей к помогающему поведению обусловлен его просоциальным характером. Просоциальное поведение предполагает реализацию действий полезных или нейтральных для общества, и оно противопоставляется асоциальному поведению.

Помогающее поведение как разновидность просоциальной активности включает всебя действия, которые направлены на благо других и за которые не предусматривается каких-либо внешних вознаграждений [5]. В данном случае речь идет о так называемом истинном альтруизме, факт существования которого некоторыми авторами отрицается. Формами помогающего поведения являются благотворительность, меценатство, волонтерство, тьюторство и т.п. Оно реализуется в целом ряде профессий (педагог, психолог, врач). Общество заинтересовано в данной активности своих граждан, поскольку за счет их затрат (материальных, временных, физических и психических) происходит решение таких социальных задач, как повышение благополучия и благосостояние слабозащищённых представителей общества (людей с ОВЗ или тяжелобольных, малоимущих), защита их прав и разрешение конфликтов.

Вышеуказанное объясняет интерес науки к данному феномену и в первую очередь его факторам. Выявлено большое число внутренних детерминант помогающего поведения, к ним относят эмпатию [6], чувство долга [3], особенности Я-концепции [2], настроение [10] и целый ряд других. Перечень внутренних факторов помогающего поведения, всплывающих в исследованиях настолько широк, что складывается впечатление, что практически все индивидуально-психологические особенности и состояния человека детерминируют его. Средовые факторы помогающего поведения представлены в исследованиях ситуационными детерминантами (число очевидцев [8], наличие свободного времени [7] и др.). Стабильные средовые факторы, имеющие отношение к социокультурному контексту жизни индивида, остаются малоизученными, а подобные исследования на российской выборке отсутствуют.

Приобщение молодежи к данной форме активности способствует профилактике их асоциальной активности, снижению социальной напряженности в обществе и его гуманизации в целом.

В данной статье обсуждаются результаты исследования средовых факторов помогающего поведения студенческой молодежи.

Описание выборки. В исследовании приняли участие студенты трех вузов, проживающих в городах - территориальных центрах разного уровня: «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва; «Калужский государственный университет» им. К.Э. Циолковского, г. Калуга – административный

центр области; «Государственный гуманитарно-технологический университет» г.о. Орехово-Зуево – административный центр муниципального района Московской области. Общий объем выборки составил 292 человека, средний возраст испытуемых 19-20 лет.

Методы исследования. Оценка социального поведения студентов осуществлялась с помощью диагностического интервью «Социальное взаимодействие» (авторы М.К. Акимова, Е.И. Горбачёва, С.В. Персиянцева, Т.А. Сысоева, С.В. Ярошевская) [1]. Методика содержит описание 20 повседневных социальных ситуаций. Испытуемый оценивает значимость описанной ситуации и 5 вариантов её решения по степени предпочтительности по шкале от 0 до 5. В методике предлагаются следующие варианты решения ситуации: 1. Намерение ничего не делать, столкнувшись с ситуацией – показатель «Ничего не делать». 2. Намерение действовать в одиночку, индивидуально, не вступая во взаимодействие с другими людьми, стремление взять ответственность за выход из ситуации на себя – показатель «Индивидуальное решение». 3. Сотрудничество в форме установления горизонтальных связей в обществе – показатель «Организатор». 4. Сотрудничество в форме установления вертикальных связей в обществе, то есть с людьми, имеющими более высокий статус, обладающими особыми полномочиями, позволяющими справиться с ситуацией – показатель «Инициатор». 5. Сотрудничество, проявляющееся в готовности стать участником совместных действий, организованных другими людьми – показатель «Участник».

Ситуации, заложенные в методике, сгруппированы в 9 типов, среди которых есть типы, предполагающие помогающее поведение: 1) ситуации, в которых требовалась помощь кому-либо определенному (ребенку, больному, животному); 2) ситуации благотворительности; 3) ситуации, в которых требовалось вмешательство в конфликт как способ охраны общественного порядка; 4) ситуации защиты прав людей, отстаивания гражданских свобод; 5) ситуации, в которых требуется помощь людям; 6) ситуации, в которых требуется помощь животным. Данные, полученные по остальным типам ситуаций, не являются предметом обсуждения в данной статье.

Сравнение экспериментальных групп по заданным параметрам производилось с помощью непараметрического метода сравнения независимых выборок с использованием критерия U – Манна – Уитни. Расчеты критерия велись в программе Statistica 10.0

Результаты исследования. Результаты сравнения экспериментальных групп по параметрам диагностического интервью «Социальное взаимодействие» представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сопоставление результатов показателей диагностического интервью групп студентов федерального, областного и районного центров с помощью критерия Манна-Уитни

Стратегия взаимодействия	Среднее значение					
	Москва vs Калуга		Москва vs Орехово-Зуево		Калуга vs Орехово-Зуево	
Помощь определенному лицу						
Значимость проблемы	2,832	3,537	2,832	3,385	3,537	3,385
Ничего не делать	2,135	1,337	2,135	1,310	1,337	1,310
Индивидуальное решение	2,401	2,781	2,401	2,761	2,781	2,761
Организатор	1,819	2,386	1,819	2,271	2,386	2,271
Инициатор	1,737	2,469	1,737	2,264	2,469	2,264
Участник	2,347	2,890	2,347	2,867	2,890	2,867
Благотворительность						
Значимость проблемы	3,393	4,072	3,393	3,977	4,072	3,977
Ничего не делать	1,802	1,244	1,802	1,178	1,244	1,178
Индивидуальное решение	2,669	3,150	2,669	2,802	3,150	2,802

Организатор	2,279	2,765	2,279	2,783	2,765	2,783
Инициатор	1,426	2,547	1,426	2,188	2,547	2,188
Участник	3,328	3,927	3,328	3,717	3,927	3,717
Вмешательство в конфликт						
Значимость проблемы	2,742	3,095	2,742	3,081	3,095	3,081
Ничего не делать	2,290	1,571	2,290	1,512	1,571	1,512
Индивидуальное решение	1,294	1,321	1,294	1,227	1,321	1,227
Организатор	2,278	2,321	2,278	2,326	2,321	2,326
Инициатор	3,433	3,814	3,433	3,767	3,814	3,767
Участник	2,151	2,756	2,151	2,203	2,756	2,203
Защита прав людей						
Значимость проблемы	2,844	3,649	2,844	3,076	3,649	3,076
Ничего не делать	2,579	1,635	2,579	1,744	1,635	1,744
Индивидуальное решение	0,706	1,186	0,706	0,977	1,186	0,977
Организатор	2,163	2,237	2,163	1,924	2,237	1,924
Инициатор	1,476	2,269	1,476	1,977	2,269	1,977
Участник	3,135	3,603	3,135	3,413	3,603	3,413
Помощь людям						
Значимость проблемы	3,036	3,738	3,036	3,645	3,738	3,645
Ничего не делать	1,986	1,275	1,986	1,217	1,275	1,217
Индивидуальное решение	2,558	2,974	2,558	2,865	2,974	2,865
Организатор	1,964	2,549	1,964	2,485	2,549	2,485
Инициатор	1,672	2,484	1,672	2,284	2,484	2,284
Участник	2,778	3,334	2,778	3,283	3,334	3,283
Помощь животным						
Значимость проблемы	2,863	3,534	2,863	3,233	3,534	3,233
Ничего не делать	2,230	1,442	2,230	1,488	1,442	1,488
Индивидуальное решение	2,175	2,571	2,175	2,407	2,571	2,407
Организатор	1,925	2,308	1,925	2,180	2,308	2,180
Инициатор	1,532	2,526	1,532	2,070	2,526	2,070
Участник	2,111	2,679	2,111	2,477	2,679	2,477

Примечание: полужирным и курсивом в таблице выделены статистически значимые различия

Как видно из таблицы, во всех типах ситуаций, предполагающих помогающее поведение, выявлены статистически значимые различия между экспериментальными группами.

Студенты московского вуза более склонны к проявлению пассивности, они чаще предпочитают не предпринимать никаких помогающих действий в проблемных ситуациях всех типов по сравнению со студентами региональных вузов (показатель «Ничего не делать»).

Ситуации оказания помощи определенному лицу и людям в целом, благотворительности, разрешения конфликта оцениваются московскими студентами как менее значимые по сравнению со студентами других экспериментальных групп (показатель «Значимость ситуации»). Ситуации защиты прав людей наиболее значимы для студентов областного центра (г. Калуга).

Студенты вузов, расположенных в областном (г. Калуга) и районном (г.о. Орехово-Зуево) центрах, по сравнению со студентами столичного вуза более склонны:

- к апеллированию к вышестоящим органам и их представителям с целью оказания помощи людям и защиты их прав, с целью благотворительности или помощи животным (показатель «Инициатор»);
- самостоятельно и индивидуально оказывать помощь кому-либо определенному или людям в целом и защищать их права (показатель «Индивидуальное решение»);

- организовывать других людей на уровне горизонтальных связей с целью благотворительности и оказания помощи кому-либо определенному (ребенку, больному) или людям вообще (показатель «Организатор»);
- принимать участие на равных в совместных действиях, организованных другими людьми, с целью оказания помощи или благотворительности (показатель «Участник»).

Студенты вуза, расположенного в областном центре (г. Калуга) по сравнению со студентами московского вуза чаще оказывают помощь определенному лицу и людям вообще, а также животным в форме сотрудничества «на равных» по инициативе других людей.

Таким образом, можно говорить, что выявлена общая закономерность: студенты московской выборки менее склонны к проявлению помогающего поведения, они более пассивны в ситуациях оказания помощи, чем студенты региональных вузов.

Эта закономерность может быть объяснена следующими социокультурными условиями жизни:

1. Гипердинамика - жизнь мегаполиса отличается высоким темпом и его жители, в том числе и молодёжь, зачастую переживают дефицит времени, они спешат и у них нет времени на то, чтобы вникнуть в ситуацию и оказывать помощь. В данном случае фактор времени выступает не как ситуационный, как писал о нем Бейтсон [5], а как стабильный.

2. «Эмоциональная перегрузка» в условиях множественных контактов в большом городе - студенты столицы в единицу времени оказываются вовлеченными в большее число взаимоотношений по сравнению со студентами областного и муниципального центров, пребывая, например, в целевых потоках общественного транспорта, где чаще всего и возникают ситуации, требующие оказания помощи. В результате общения с большим количеством людей, в том числе нуждающихся в помощи, у жителей мегаполиса развивается своего рода защитный механизм, заключающийся в экономии эмоций, происходит «притупление» эмпатии, наступает «усталость от сочувствия». Подобный защитный механизм характерен для помогающих профессий.

3. Обезличивание - у «человека в толпе» чувство индивидуальной ответственности за свое поведение подавляется [4]. В массе у индивида снижается чувство вины за содеянные или не содеянные поступки, в том числе чувство вины и угрызения совести за игнорирование просьб о помощи со стороны нуждающихся, которые некоторые авторы рассматривают как мотивы помогающего поведения.

Изложенные результаты подтверждают данные, полученные Р. Левайном в США, установившим, что чем больше плотность населения, тем меньше люди помогают друг другу [9]. Это указывает на то, что уровень урбанизации и численность города выступают в качестве стабильного средового фактора помогающего поведения.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект
«Индивидуальные и средовые факторы, определяющие практики социального
взаимодействия у студенческой молодежи» № 17-06-00768*

1. Акимов М.К., Персиянцева С.В. Влияние субъективных оценок значимости проблемных ситуаций на механизмы социального взаимодействия // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2018. Т. 11. №1. С. 89-98.
2. Ковалева Ю.В. Мотивы помогающего поведения и их связь с самоотношением личности // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 12(20). DOI: 10.0000/cyberleninka.ru/article/n/motivy-pomogayuschego-povedeniya-i-ih-svyaz-s-samootnosheniem-lichnosti9.

3. Насиновская Е.Е. Альтруистический императив // Современная психология мотивации / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 152-171.
4. Ольшанский Д. В. Психология масс. - СПб.: Питер, 2002.- 368 с.
5. Batson C.D., Leonard B. Prosocial Motivation: Is it ever Truly Altruistic? //Advances in Experimental Social Psychology. 1987. Vol. 20. P. 65-122.
6. Coke J.S., Batson C.D., McDavis K. Empathic mediation of helping: A two-stage model // Journal of Personal and Social Psychol. 1978. Vol. 36. P. 752-766.
7. Darley J., Batson C.D. From Jerusalem to Jericho: A study of situational and dispositional variables in helping behaviour // Journal of Personality and Social Psychology. 1973. Vol. 27. P. 100–108.
8. Latane B., Darley J. The unresponsive bystander: Why doesn't he help? –New York: Appleton-Century-Crofts, 1970. – 131 p.
9. Levine R., Martinez T., Brase G., Sorenson K. Helping in 36 U.S. Cities //Journal of Personality and Social Psychology. 1994. Vol. 67. № 1. P. 69-82.
10. Schnall S., Roper J., Fessler D.M.T. Elevation leads to altruistic behavior // Psychological Science. 2010. Vol. 21. № 3. P. 315-320.

Зайцева М.В.

**Техника эхоповтора как аналога внутренней речи при освоении
иностранного языка**

*НВИ им. Генерала армии И.К. Яковлева ВНГ РФ
(Россия, Новосибирск)*

doi 10.18411/scc-09-2018-15

idsp 000001:scc-09-2018-15

В настоящее время всё более возрастает актуальность изучения иностранного языка. В связи с этим появляется всё больше связанных с этим методик. Основное значение придаётся грамматической стороне языка, немало внимания уделяется лексике. Однако такой пласт, как фонетика и постановка правильной речи довольно часто остаётся без должного внимания.

Данная статья касается именно этого аспекта обучения иностранному языку, в частности, эффективной методике, применяемой на занятиях самим автором статьи, которой даётся такое обозначение, как эхоповтор.

Технология теневого повтора или эхоповтора взята из обучения синхронных переводчиков и применяется автором статьи как на занятиях по переводу, так и на уроках иностранного языка. Эхоповтор, являясь аналогом внутренней речи, способствует более качественному закреплению речемоторных навыков при изучении иностранного языка. Также автор статьи полагает, что данная методика может находить применение и в других сферах обучения, связанных с исследованием и овладением человеком речевыми навыками как на иностранном, так и родном языке.

Эхоповтор как методологическое упражнение применяется на уроках при обучении синхронному переводу, которое позволяет развивать и тренировать скорость речевой реакции как на родном, так и на иностранном языке, развивает скорость (беглость) речи, а также способствует умению одновременно воспринимать и воспроизводить речь, ускоряя скорость языковой реакции и оперативность обработки информации в сознании синхронного переводчика.

Прежде чем рассмотреть данный механизм более подробно, рассмотрим непосредственно сферу первоначального применения данной техники и дадим определение понятию «синхронный перевод».

Итак, синхронный перевод это – перевод с исходного языка на принимающий язык, осуществляемый одновременно с восприятием речи оратора. Синхронный перевод считается самым сложным видом перевода (в отличие от последовательного и письменного). Синхронный перевод можно разделить на три основные подгруппы:

— устный синхронный – осуществляется на слух;

- перевод с листа – одновременный устный перевод с опорой на письменный текст;
- «подготовленный» синхрон – прочтение заранее подготовленного письменного текста параллельно с оратором.

Наиболее сложным в плане психомоторики, без сомнений, является первый подтип [3; 326 - 333].

Сложность устного синхронного перевода обусловлена тем, что переводчику необходимо одновременно воспринимать произносимую на одном языке речь и порождать собственное устное высказывание на другом языке. В итоге в процессе данной работы у человека, осуществляющего синхронный перевод, задействуется сразу несколько отделов головного мозга, что предполагает довольно большую физическую и психологическую нагрузку. Согласно некоторым исследованиям, проведённым с помощью аппаратов для МРТ, в процессе работы у синхрониста оказываются активными в одну и ту же единицу времени такие отделы головного мозга, как: зона Брока, которая отвечает за речедвигательные органы и рабочую память, зона Вернике, которая отвечает за понимание речи, хвостатое ядро и так называемая «скорлупа». Таким образом мы видим, что при синхронном переводе нагрузка на многие отделы мозга возрастает одновременно и в несколько раз [5].

Необходимо добавить и такой немаловажный аспект, как хорошее знание родного и чужого языков, и не только в плане лексики, но и синтаксиса, грамматики, фонетики, интонационного рисунка и т.д.

Итак, можно выделить основные требования к синхронному переводчику:

- Глубокие знания языкового материала;
- Умение ориентироваться в незнакомой ситуации/теме;
- Стрессоустойчивость;
- Качественные речевые навыки (от построения грамотной фразы до фонетически верного рисунка);
- Активность мышления, быстрая речемоторная реакция.

Синхронный перевод, как говорилось выше, требует особой подготовки, которая, в свою очередь, предполагает наличие упражнений, направленных на развитие скорости и качества речевой реакции [1; 27 - 35]. К одному из таких упражнений относится эхоповтор.

Термин «эхоповтор» означает одновременное устное повторение воспринимаемой на слух речи за говорящим. Отставание при эхоповторе речи говорящего может составлять не более двух-трёх слов.

Однако данное упражнение может применяться не только для тренировки синхронного переводчика. По своей сути эхоповтор является звуковым аналогом внутренней речи, которая имеет место всякий раз, когда человек вслушивается в речь другого человека. Внутренняя речь в процессе общения далеко не всегда несёт коммуникативную функцию, однако она обеспечивает процесс мышления человека, т.е. превращается в своего рода мыслительный процесс [4; 75 - 84].

Таким образом эхоповтор тренирует не только навык механического повторения, но и способствует ускорению процесса обработки информации и мыслительного процесса.

Как уже говорилось, механизм эхоповтора схож с механизмом внутренней речи. Это означает, что при эхоповторе в действие, в первую очередь, вступают зеркальные нейроны, позволяющие отобразить специфику речи говорящего – мимику, произношение, скорость речи и т.д. Тот же механизм позволяет ребёнку в первые годы жизни запечатлевать речь родителей или окружающих его людей, что со временем способствует овладением им навыком порождения уже собственного осмысленного речевого высказывания. Таким образом механизм овладения речью в процессе её

внутреннего проговаривания может выглядеть следующим образом: отображение речевого образа посредством зеркальных нейронов, запечатление психомоторного образа на уровне слуховой и двигательной коры, закрепление, повторение, собственное осмысленное воспроизведение [2; 82 - 84].

Упражнение эхоповтор-пересказ-перевод, как средство подготовки к устному последовательному и устному синхронному переводу применялось на занятиях по практическому курсу перевода первого иностранного языка среди курсантов НВИ. Данное упражнение является несколько усложнённым вариантом непосредственно эхоповтора, так как предполагает тренировку дополнительных отделов головного мозга. Упражнение «эхоповтор-пересказ-перевод» также может быть простым и усложнённым. Рассмотрим оба варианта:

В первом варианте (простом) преподаватель зачитывает какой-либо текст на русском или английском языке одному из обучаемых. Задача обучаемого состоит в синхронном (одновременном) повторении незнакомого текста за преподавателем. Текст обычно состоит из восьми – десяти сложных информативных предложений. После синхронного повторения текста одним из обучаемых преподаватель просит второго обучаемого пересказать в двух – трёх предложениях то, что он смог услышать и запомнить. Задача третьего обучаемого заключается в том, чтобы перевести высказывание второго обучаемого.

Данное упражнение, помимо тренировки сугубо переводческих навыков (доверие тексту, знание языка и т.д.) позволяет также тренировать такие психологические аспекты обучаемых, как речевую реакцию, качество произносительных навыков, скорость мышления, внимательность, способность концентрировать внимание, оперативную память (при пересказе), умение настроиться на один канал при параллельном звучании одинаковой информации.

Усложнённый вариант предполагает синхронное воспроизведение (эхоповтор) текста при наличии помех – музыки, поступающей через наушник в одно ухо, чтении стихов или другого текста сидящим рядом соседом и т.д. При том текст-помеха может как совпадать по теме с повторяемым текстом, так и полностью от него отличаться. В подобном варианте упражнения тренируются все перечисленные выше навыки, но здесь также можно добавить способность концентрироваться на нужном источнике информации и абстрагироваться от окружающих помех.

Стоит, конечно, иметь в виду, что подобные упражнения требуют огромных затрат энергетических ресурсов организма обучаемых, и потому данное упражнение целесообразно проводить со всей группой не более двадцати – тридцати минут.

Результаты применения данного упражнения на уроках по занятию устным переводом показали, что обучаемые приобретают навыки более беглой речи как на родном, так и на иностранном языке, показывают более высокие результаты при устном последовательном и синхронном переводе, лучше понимают речь на иностранном языке, а также научаются быстро обрабатывать нужную информацию и работать с одним информационным каналом при наличии помех.

Принимая во внимание то, какие сферы мозговой деятельности способно развивать данное упражнение, можно предположить возможность его применения и в других, неязыковых сферах обучения, таких как: логопедия, развитие речи младших школьников, медицина (реабилитация после инсультов, нейрохирургических вмешательств, черепно-мозговых травм) и т.д.

В подобных случаях целесообразно будет применение усечённой формы данного упражнения: эхоповтор-пересказ (без перевода) или, на начальном этапе, просто эхоповтор.

Можно определить следующие рекомендации по подбору текстов:

В случае работы с детьми тексты должны подбираться в соответствии с возрастом и психическим развитием ребёнка, интересами, не должны иметь пугающего

или негативного содержания. Предложения не должны быть перегружены сложным синтаксисом, но стоит избегать и слишком простых предложений. Целесообразно использовать тексты небольших сказок с чётким сюжетом, которые ребёнок не знает. При индивидуальной работе на первых этапах можно использовать сюжетные стишки. Однако при работе с группой детей целесообразней использовать не стихотворные тексты, так как рифмы запоминаются проще. Более того, стихи сложнее пересказывать.

При подборе текстов для детей старшего школьного возраста и для взрослых необходимо подбирать тексты, отвечающие характеристика воспроизводимости: в них должны содержаться факты, логическое изложение каких-либо событий, либо же даваться красочное и необычное предметное описание, которое можно пересказать.

Тексты, предназначенные для эхоповтора-пересказа при работе в группах не должны носить сугубо научного характера, представлять собой большие описания предметов архитектуры, природы, внешности человека и т.д., не должны быть поэтическими или избыточествовать сложными терминами. Но допустимо на отрывок из десяти развёрнутых предложений до трёх технических или научных терминов.

Если же в качестве упражнения используется только эхоповтор, то процент наличия сложной терминологии может значительно увеличиваться, что, напротив, послужит дополнительной тренировкой для развития речи и речевой реакции.

1. Алексеева И. С., Профессиональное обучение переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. — СПб.: Издательство «Союз», 2001. — 288 с. 27 – 35 с.
2. Зайцева М.В. Импринтинг как психомоторная функция памяти //Актуальные направления научных исследований: перспективы развития - сборник материалов III международной научно-практической конференции. – 8 октября 2017, Чебоксары, ФГБОУВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, ЦНС Интерактивплюс. С. 82 – 84.
3. Сдобников В.В. Теория перевода (учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков) / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. — М.: АСТ: Восток - Запад, 2006. — 448 с. — (Лингвистика и межкультурная коммуникация: золотая серия) 326 – 333 с.
4. Психология и педагогика. Учебное пособие. / под ред. С.А. Хмелевской. – М.: ПЕРСЭ, ЛОГОС, 2002 С. 75-84.
5. <http://www.secreti.info/ctat160.html> Статья: Удивительный мозг переводчика-синхрониста

РАЗДЕЛ VI. ЭКОНОМИКА

Denenberg Y.M., Surnina K.S.

Regional features of ensuring economic security of the budgetary sphere

*Crimean Federal University
(Russia, Simferopol)*

doi 10.18411/scc-09-2018-16

idsp 000001:scc-09-2018-16

Annotation

Today, theories of the multi-purpose management of the safe development of the economic systems of the regions in which the threats of the income gap, aggressive forms of mergers and acquisitions of property, the criminalization of economic activity, the problems of food security, the functioning of the transport and financial subsystems, and the like are of particular importance. In some regions, there has been accumulated some experience in various forms of organization of work of local administrations in the field of ensuring the economic security of the facility at various levels and scales, but a scientifically sound system of economic security, including in the budgetary sphere, with its inherent institutions and mechanisms for preventing new challenges and economic threats, especially at the regional level. The theoretical and methodological aspects of the construction and functioning of an integrated system of multi-purpose management of socio-economic complexes of regions that would be able to maintain the system properties of individual territories in the process of their dynamic and sustainable development have not been systematically studied.

Keywords: region, economic security, economic system.

In modern conditions, it is not necessary to talk about a balanced system for realizing the economic development of regions, because of the existence of a significant level of differentiation of their development, due to significant territorial, resource and administrative differences, so the definition of the concept of economic security of the region is a very urgent issue of our time.

Spatial-territorial parameters of the security of the territorial organization of the society generate the problem of economic security to the budgetary sphere at the regional level. The regional mechanism for ensuring economic security in the budgetary sphere is an element of the overall system of economic security of the state and reflects general patterns, criteria and indicators, but in such forms and with such peculiarities that are determined by the specifics of the region. Obviously, the general criteria and the economic security of the system elements of the budget sphere is invariant to the level of specificity remain relevant at the macro and micro levels, separately in any region, regardless of their size, economic and geographic, industry, social and other features. At the same time, it is obvious that in states characterized by a significant differentiation in the levels of development and socioeconomic characteristics of individual regions, economic security in the budgetary sphere of each of them has features that must be taken into account in the management process.

The problems of regional development of economic security were studied in the works of such scientists as Dolmatov I.V., Abalkin L.I., Dolenko D.V., Dreyer O.K. and others. However, the regional mechanism for ensuring economic security in the budgetary sphere in modern science is considered very mediocre, which led to the urgency and objective necessity of further consideration of the issues of the functioning of the regional mechanism for ensuring economic security in the budgetary sphere. The aim of the article is to

define especially her functioning of a regional mechanism to ensure economic security in the public sector.

To date, scientific developments in the field of economic security are based on the theory of general scientific categories and definitions of economic security of the territory as a regional socio-economic system. The term economic security at the regional level is so As well as national security is a complex and multidimensional phenomenon, which includes a wide variety of security.

In modern scientific literature, the concept of the region is interpreted contradictorily B is ambiguous, therefore, for a more precise understanding, we will consider different approaches to discovering the essence of the concept of the region. The region should be viewed in at least two aspects: broad and narrow. In a broad sense, the region is a group of states located in the same geographical region and related by a number of factors: geopolitics, military strategy, security, defense, economic integration and others.

"In a narrower understanding, the region is a part of the state that is separated from other regions by a combination of natural or persistent economic, geographical and other features that are often combined with the characteristics of the national composition of the population " [1 , p. 16]. "In order to avoid the ambiguity of the concept, it is necessary to call the territorial units of the subnational level regional regions, it is expedient to use the concept of "macroregion" for regions of supranational level, which will emphasize another character of such region" [2, p. 46].

In general, science in the region means a certain territory, which is a component of the territorial-economic and national-cultural complex, which can be delimited by signs of intensity, diversity and interconnectedness of phenomena that are expressed in the form of specific homogeneity of geographic, natural, economic, socio-historical, national cultural conditions, which are the basis for allocating this territory. However, each scientific discipline gives priority to this or that region-forming feature, therefore under the region in such cases sometimes different objects are meant.

The economic potential of the region is the basis of its development. The region is an integral element of the economic system, within which presents the main indicators of socio-economic structure of production, for which characterized by the presence of natural x and resource factors, processes management is carried out by regional authorities. The region is one of the key objects of organizational-economic and political-legal relations aimed at the organization of a regional economy, the formation of favorable living conditions and the satisfaction of the needs of the population, taking into account the specifics of its development, but the disproportionate socio-economic development of the regions is steadily growing.

The region as a term includes a number of fundamental characteristics: a common territory, a certain population, a common history, natural conditions, and the rest depend on the tasks that the researcher decides. Thus, in the economic literature, two concepts of the region most often appear, with the equality sign often being drawn between the concept of "region" and "district".

In the theory of public administration, a formal legal interpretation of the region as a subject of a federation or another subnational unit whose rights and obligations are indicated by the constitution or other laws is given.

Thus, proceeding from the above approaches to the region's consideration, it can be argued that regions in the Russian Federation can be either a republic or separate regions or their associations, that is, territories that have a socio-economic and ethno-cultural community in conjunction with historical and cultural traditions.

The need for additional more in-depth and detailed analysis of the regional aspects of economic security due to the fact that the social and economic processes, the structure of production and consumption are becoming more pronounced the first regional first character, which is associated both with the uneven distribution of natural resources, regional

differences in climatic conditions, the existing system of population settlement, the traditions of the economic system, and the processes of globalization and integration. The use of natural resources, protection of the natural environment, and socio-economic development always correspond to a certain territory. Under these conditions, there is an objective change in the role of regional security in the development of society.

The insufficient elaboration of many aspects of economic security at all its levels in relation to the transformation period, the theoretical and practical importance of the problem of overcoming and preventing crisis situations in the economies of the regions for their effective functioning in the integrated economic space within a single state stipulate new approaches to the economic security of the national economy and the region's economy.

Economic security of the region determines the ability of the regional economy to consistently support the consistent implementation of national and state interests, the stable and reliable capacity of economic entities, normal living conditions of the population. The region as an economic system reflects a part of the territory of the country within which a system of interaction between economic entities functions and develops. In a market economy and with all the diversity of forms of ownership, the region as an economic system can be considered as a relatively independent object of economic regulation. Traditionally, the internal structure of the region's economic security, as a rule, is displayed through three important blocks:

1) economic independence, which is relative due to the economic and political dependence of the region on the center and the interconnectedness of various regional economies (in such conditions, the economic independence of the region indicates the ability of regional authorities to control regional resources, achieving this level of production, efficiency and quality ensures its competitiveness and allows, under their equal conditions, to participate in interregional and international trade, cooperative ties and the exchange of scientific and technological achievements);

2) stability and sustainability of the regional economy (involving the protection of property of all forms, creating reliable guarantees and favorable conditions for entrepreneurship, deterring factors capable of destabilizing the situation, such as combating criminal structures in the economy, preventing serious disruptions in the distribution of incomes that threaten social upheaval);

3) ability to self-development and progress (creating a favorable climate for investment and innovation, continuous modernization and expansion of production, raising the professional level of workers, etc.).

Economic security of the budgetary sphere at the regional level has many aspects and levels, starting with the identification of conditions and criteria for security, taking into account the specific geographical dimensions of the regions. The subject of consideration in this case is economic security in the budgetary sphere of the regions within the borders of certain countries and mainly economic security in the budgetary sphere of the regions of the Russian Federation.

Economic security in the budgetary sphere at the regional level has interrelated qualitative quantitative parameters. Qualitative safety parameters are reflected in its structure. " The structure of economic security of the budgetary sphere at the regional level is determined by the dependencies of regional economic reproduction on the external natural and social environment and is embodied in a system of blocks and elements that always interact with each other and with other elements of social security - military-political, legal, ideological, demographic and other " [3, p.34]. The social reasons for the economic security of the budgetary sphere at the regional level can also be structured along hierarchical levels of social organization: firstly, the reasons for the general social and general state level that affect the security of the region; secondly, these are the causes that reflect the interaction of the general social and regional processes, and thirdly, these are internal regional factors of economic security.

Economic security in the budgetary sphere at the regional level has its own peculiarities in the formation and functioning of regional systems for ensuring economic security, that is, those institutions and mechanisms that are recognized to protect the economic interests and property of the individual, the population, and economic entities of the region.

In the wake of regional institutions and structures for ensuring economic security, the budgetary sphere includes not only combating violations of tax legislation, detection, warning and termination of violations in the financial and financial legislation, but also to ensure the retention of the requirements of the law, the regulation of relations in the field of entrepreneurial and other economic activities, as well as property relations.

At present, the regions of the Russian Federation have formed as integral economic systems and have their own peculiarities and economic policy, independence in choosing an economic development strategy, and the sphere of ensuring economic security in the budgetary sphere in each region of the country also has its own specifics.

"The economic interests of the region are, first of all, the effective use of productive potential and natural resources while ensuring favorable living conditions and social conditions of the population" [4, p.2]. Based on the interests of the region, a regional strategy for ensuring economic security must be formed.

However, the definitions that treat economic security in the budgetary sphere at the regional level are practically non-existent, therefore, in order to understand the essence of this concept, we will consider how the economic security of the region is interpreted. There is no doubt that in the provision of economic security in the budgetary sphere at the regional level, institutions and mechanisms for the exchange of information resources and information protection play a special role.

Economic security is a combination of conditions and factors that characterize the current state of the economy, stability, stability and progressiveness of its development. "Economic security is traditionally regarded as the most important qualitative characteristic of the economic system, which determines its ability to maintain normal living conditions of the population, sustainable provision of resources with the development of the national economy, the consistent realization of national and state interests, and also as a system of measures to protect the economic space of the region from external and internal threats that impede the effective functioning of constituent regions tional economy: institutional infrastructure, the private sphere of production, transportation facilities and communications, science and research institutions, social support systems" [5, p.15].

"Vaikhanov H.H. notion of" national security at the regional level, "formulated in such a way -" is an integral organic broader phenomenon ", which is fixed at the level of the region of a State, including the different types of security, and is the state of protection of national interests from internal and external threats at the level of an individual, society, and, in fact, the region and the entire state, to which the region belongs " [6, p.175].

The object of economic security of the region is the regional economy as a system of interaction between the industrial, social and natural-ecological spheres. The subjects of economic security in the region are the bodies of state power, the specificity of which lies in the fact that the original government implements on its territory not only nation-wide, but also its own interests. The powers of the government during the political situation should be the continuation of their functional duties. Strategic management of the processes of territorial development determines the objective need of the regions to have their own concept of national security.

Thus, the formation of a clear theoretical basis, which can be created on the basis of the theory of economic interests, allows the most complete and profound disclosure of the essence of economic phenomena and processes, should become the basis for solving problems in providing conditions for improving the level of economic security. Formation of a holistic concept of economic security of the national economy is impossible without considering

regions as independent economic entities, carriers of economic interests both within the country and in the construction of relations of international cooperation. The economic security of the region directly depends on the regional economy and the economic potential of a particular region.

Economic security in the budgetary sphere at the regional level is a combination of the current state of the conditions and factors that characterize the stability, stability of the development of the economic territory, a certain independence and integration with the economy of the country, which is expressed in such manifestations: the ability to pursue its own budgetary policy within the country, opportunities to address socially unsafe situations in areas associated with local economic threats, possibility to stably maintain compliance with existing public services in the territory in accordance with the prudential international practices that would preserve or renew a decent standard of living.

1. Arsentieva I.I. Russian regions in the national security system. - M., 2008. - p.16.
2. Turovsky R.F. Center and Regions: Problems of Political Relations. - M., 2007.- p. 46.
3. Yeletsky N.D. Economic security of the region in the system of social security of the country / / South Russian Review. - 2008. - №50. - p.34.
4. Dolmatov I.V. Regional aspects of ensuring economic security // Audit and financial analysis // 2007. - №1. - from. 2.
5. Bykov V.P, Dembovskaya OA, Lebedko EM Economic security of regions and overcoming of threats in modern conditions (BGITA, Bryansk, Russia) 2006.
6. Vayhanov H.H. National security of russia at the regional level / Otv. Ed. I.P. Add . - Rostov-on-Don: Publishing house SKNTS VS SFU, 2010. - 175s.

Kaldybayev Y. K., Orazalyev B.M.
Economic risks in Kazakhstan

Almaty technological university
(Kazakhstan, Almaty)

doi 10.18411/scc-09-2018-17
idsp 000001:scc-09-2018-17

Abstract

The paper analyses the impact of high credit risk in Kazakhstan.

Standard & Poor's Ratings Services classifies the banking sector of Kazakhstan group '8' under its Banking Industry Country Risk Assessment (BICRA). Economic risks in Kazakhstan remain very high in a global context.

S&P views of extremely high credit risk in Kazakhstan takes into account the banks' history of aggressive underwriting standards and the country's weak payment culture and rule of law.

During the 2004-2007 real estate boom, banks' loan portfolios expanded by more than 50% annually. The global economic crisis put an abrupt end to years of aggressive lending that was largely financed by wholesale borrowing. The burst of the property and credit-fuelled bubble severely affected banks, leading to some defaults and bailouts. Economic restructuring since 2009 has borne some fruit, but the economy can remain vulnerable to further losses while banks work through their substantial backlog of problem assets.

The aim of this paper – is showed economic risks in Kazakhstan. The author also aim at identifying current banking industry issues.

Keywords: Bank, credit risk, Kazakhstan, credit, economy

Introduction

Kazakhstan's banking sector should remain generally stable this year, in Standard & Poor's Ratings Services' view. The country's economic fundamentals still appear strong, although GDP growth has slowed somewhat since 2011. Banks' loan and deposit portfolios are therefore likely to keep growing. But for the next 12 months at least, the level of nonperforming loans (NPLs) will remain stubbornly high, and the sector will continue to feel the effects of a pronounced boom and bust cycle over the past decade. NPLs (loans more than 90 days overdue) stood at about 30% of system loans at year-end 2012, having risen steadily since 2008. Despite a slight improvement last year, S&P doesn't anticipate a significant reduction in 2013, despite several regulatory initiatives and banks' efforts at working out problem loans. Rather, S&P thinks loan growth will likely pick up slightly, owing to an increase in consumer loans and deposits on the back of good economic growth prospects. S&P also expects to see several mergers or acquisitions among the larger banks and rapid growth of a few midsize players, which might radically change the competitive environment.

Agency maintains stable outlooks on all except two of the Kazakh banks S&P rate. Overall, this reflects view that most banks' stand-alone credit profiles will remain steady until the end of the year. Still, S&P average rating is 'B+', which in some instances includes an uplift for potential support from the government or a parent company. This shows that S&P considers Kazakh banks' credit quality to be weaker than that of Russian banks and lower than international peers'.

Rating actions in the sector would likely depend on the direction of banks' business strategies. If agency saw prudent growth, increasing business diversity, and solid risk management frameworks, resulting in lower NPLs or stronger capitalization, agency might take positive ratings actions. On the other hand, agency would consider rapid asset growth that depleted capital, worsening asset quality, or tighter liquidity to be signs of deteriorating creditworthiness.

Major factors. Strengths:

- Good economic growth prospects and rising GDP per capita.
- Strong fiscal and external balance sheets.
- Strengthened funding profile of domestic banks.

Weaknesses:

- High credit risk in the economy, given aggressive lending and weak underwriting standards.
- Inability of regulators to clean up the banking system of very high levels of problem loans post-crisis.
- Low risk-adjusted returns of the banking system, significantly affected by low profitability of larger players.

Economic structure and stability

Experts expect Kazakhstan's GDP per capita to increase by 6% annually on average in 2013-2015 (see chart 1). This is assuming that oil output doubles and average net foreign direct investment is about 4% of GDP. Supporting factors will likely be rising commodity exports, moderate single-digit inflation rates, and currency stability due to a de facto peg of the tenge to the U.S. dollar. Kazakhstan's GDP per capita was about \$13,500 in 2013, the second highest in the Commonwealth of Independent States (CIS), after Russia. It also compares well with those in other Eastern European countries.

Kazakhstan's economy depends heavily on commodity production, owing to its relatively small size and considerable natural resources. The oil sector accounts for 60% of exports and over 50% of revenues, exposing the economy to external shocks. Strong economic growth over the past decade has stemmed from rising oil production and prices and

consistently high foreign direct investment, mainly in the oil and gas sector. Experts expect GDP growth to average 5.7% in 2013-2016.

Macroeconomic policy flexibility

Kazakhstan's fiscal and external flexibility remains strong thanks to its fiscal and current account surpluses and prudent fiscal policies. Experts expect the general government debt burden in Kazakhstan to remain low, at less than 14% of GDP in 2014.

Monetary policy flexibility is limited due to the government's de facto exchange rate peg and lack of a functioning local market.

In my opinion, the central bank is unlikely to shift to a free float in the immediate future.

Experts anticipate that inflation will remain within the government's 4%-7% target until 2015.

Credit risk in Kazakhstan

Economic imbalances: Economy in a correction phase with high credit losses and depressed credit growth

Correction phase. I believe the Kazakh economy has been in a correction phase since the credit and real estate bubble burst in 2008 and that the correction will likely have a high impact on the banking sector over the next two to three years.

During the 2004-2007 real estate boom, banks' loan portfolios expanded by more than 50% annually. The global economic crisis put an abrupt end to years of aggressive lending that was largely financed by wholesale borrowing. The burst of the property and credit-fuelled bubble severely affected banks, leading to some defaults and bailouts. Economic restructuring since 2009 has borne some fruit, but I believe the economy remains vulnerable to further losses while banks work through their substantial backlog of problem assets.

Contrary to experts' previous expectations, credit losses have been trending up in 2011–first half 2013, but experts expect a stabilization for the rest of 2013 and at best a slight decline in 2014. I consider that a large part of problem loans has been recognized, although it took the Kazakh banking system a few years to do so. Therefore credit losses are unlikely to increase further.

The housing market has not yet fully recovered following the crisis. Despite an estimated 25% increase in nominal house prices over 2010-2012, real estate prices adjusted for inflation showed only a small increase in 2012-2013. Experts expect real estate prices adjusted for inflation at year-end 2013 to remain at about 30% below the peak level of 2007.

Credit growth in real terms adjusted for inflation resumed in 2011, but has been sluggish at under 10% per year. Experts forecast it to remain at similar levels in 2013-2014.

Credit risk in the economy: High risk, reflecting aggressive underwriting standards and a weak payment culture and rule of law

Private-sector debt capacity and leverage. Kazakhstan has comparatively low corporate and personal debt; domestic credit to the private sector reduced to 40% of GDP at year-end 2012 from 59% at year-end 2007, and is now about in the middle for the peer group. The ratio of household debt to GDP was only 10% at year-end 2012, and mortgage loans were even lower at 4% of GDP. Nevertheless, the number of households with adequate payment capacity is low, due to the significant income disparity between the very rich and the rest of the population. The corporate sector shows the same overwhelming credit gap between large government-owned corporations and other large companies in energy and commodities, which dominate the economy, and the small and midsize enterprises. The ratio of corporate debt to GDP had reduced to 24% at year-end 2012 from 36% in 2007 and I expect the deleveraging process in the corporate sector to continue.

Lending and underwriting standards. In my view, lending practices and underwriting standards in Kazakhstan are "aggressive". This is demonstrated by the still high, although decreasing, 38% share of foreign currency-denominated loans in banks' portfolios; high concentrations in lending to single borrowers (the top 20 loans measure 2x-4x rated banks'

capital); and undiminishing material concentrations in lending to the risky and volatile construction and real estate sectors, 24% as of year-end 2012.

Rapid credit expansion in the mid-2000s set the stage for the significant accumulation of problem loans after the real estate market crashed in 2008. Kazakh banks' problem loans remain the highest among peers (see chart 5). Contrary to experts' expectations, we have not seen any meaningful reduction of systemwide problem loans in 2012 and the first half of 2013. Systemwide nonperforming loans (NPLs, loans more than 90 days overdue) under local regulatory standards reduced slightly to 30.0% of total loans at mid-2013 from the peak of 31.9% at March 31, 2012, according to regulatory data.

Competitive dynamics: High risk reflecting aggressive risk appetites

Risk appetite. I consider Kazakhstan's banks to have an "aggressive" risk appetite. While the industry as a whole, and the largest banks in particular, have been deleveraging post-crisis, we observed rapid loan growth at some small and midsize banks in 2010-2013.

We also see resumed interest from some Kazakh banks to finance real estate and construction. At the same time, unsecured consumer lending has been the fastest growing segment in Kazakhstan over the past three years (see chart 3).

The banking industry's performance and stability have been weak over the past few years. In principle, the Kazakh banking system has been loss-making in the past four years (2009-2012) if significant restructuring income of 2010 and 2012 is excluded. However, financial performance differs materially among banks. While a vast majority of Kazakh banks are profit-making, large losses posted by the top players largely influence the system's profitability. Five banks in the top 10 (accounting for 47% of assets) were loss-making or breaking even in 2013 if restructuring gain of BTA is excluded (see chart 2).

As a whole, the Kazakh banking system struggles to generate a risk-adjusted return on core banking products that is adequate to meet banks' cost of capital.

A significant problem in Kazakhstan, as in other CIS countries, in experts' opinion, is a significant portion of accrued interest income, not paid in cash.

Industry stability. In my opinion, Kazakhstan's banking system still remains "at least moderately stable". The top 10 banks control about 80% of the system's assets (see chart 2), indicating that smaller banks have little influence on the sector's performance and risk profile.

Although the balance of power in the Kazakh banking system has been steadily changing since the onset of the financial crisis, in my view this poses no threat to the system's stability. The first trend is rapid growth, significantly above the system average, of a few midsize banks, especially subsidiaries of Russian banks. As a result, a share of top 3 banks by assets reduced to 44% as of June 1, 2013 from 62% at year-end 2008.

Many small and midsize banks show better asset quality than the system average, allowing them to focus on new lending, unlike the larger players with sizable problem loan portfolios. Experts expect the mid-size players to keep augmenting their market share further, narrowing the gap with two market leaders Halyk Bank and KKB and subsidiaries of Russian banks to achieve a more prominent position in Kazakhstan.

Market distortions. In my view, there is an "absence of market distortions" in Kazakhstan's banking industry. The government's influence over banks' operations is mainly through its distribution of deposits of public-sector entities among commercial banks.

Experts anticipate that in a few years the government will sell its majority stake in three restructured banks and its 21% stake in KKB.

Systemwide funding: High risk, but banks' funding profiles are much healthier than pre-crisis

Core customer deposits. Core customer deposits (defined as 100% of household deposits and 50% of corporate deposits) have been stable at 60% of systemwide loans for the past three years. Experts expect a stable trend for the next two years in view of sluggish loan growth and continued growth in deposits due to lack of alternative savings and investment vehicles.

External funding. The Kazakh banking system remained a net external creditor as of 2013. Banks' aggregate cross-border debt reduced to under \$14 billion in the first half 2013 from \$46 billion in 2007. The improvement was largely due to the writeoff of the majority of foreign debts of BTA, Alliance, and Temirbank in 2010-2012, the repayment of foreign debts by other banks, and banks' sharp reduction of new crossborder debt issues since 2008. Kazakh banks borrowings in international capital markets in the past three years have been limited to trade finance debt. Experts expect local banks access to international debt markets to remain very limited in 2013-2014 and external debt to continue to decrease in proportion of total funding.

Domestic debt-capital markets. I view Kazakhstan's domestic debt capitalmarkets as "narrow and shallow", although private-sector debt issued in domestic capitalmarkets has been increasing, representing about 19% of GDP at year-end 2012. Many commercial banks issue domestic senior unsecured and subordinated debt, bought mainly by local banks, pension funds, and insurance companies.

Government role. The Kazakh government's adequate support of its banking system was demonstrated by its provision of liquidity during periods of market turmoil. The government remains banks' main source of funding, and government and state enterprise deposits accounted for about one-quarter of systemwide deposits at year-end 2013.

Chart 1. Kazakhstan – GDP per capita growth, 2005-2013

Chart 2. Top 10 banks by assets as year-end 2013

f-Forecast. Source: National Bank of the Republic of Kazakhstan. Source: Standard & Poor's Financial Services Ratings.

Chart 3. Nonperforming loans and provisions, 2008-2012

Chart 4. Growth of loans and deposits, 2008-2012

*Loans more than 90 days overdue. KZT--Kazakhstani tenge.

Source: National Bank of the Republic of Kazakhstan. Source: National Bank of the Republic of Kazakhstan.

Conclusion

In my view, Kazakhstan's structural weakness remains its heavy dependence on commodity production. It is a relatively small country, but has a considerable amount of

natural resources. The oil sector accounts for 60% of exports and 25% of GDP, exposing the economy to external shocks.

However, with continuing demand for oil globally, the country has sound economic prospects and wealth levels are increasing. This should provide favourable operating conditions for Kazakh banks. But I still believe that large cash-rich corporates, notably in the commodities sector, have limited need for bank financing. Traditionally, Kazakh banks have financed weaker and more volatile sectors, such as real estate, construction, small and midsize enterprises, and agriculture.

I think that's the main reason why the level of nonperforming loans remains high, despite continuously strong economic growth.

1. Standard & Poor's Rating Services, "Kazakhstan Banking Outlook 2013: Problem Loans Remain High In a Shifting Competitive Landscape", World Finance Review, Eastern Europe and Central Asia, Spring 2013
2. Standard & Poor's Rating Services, "Good Economic Growth Prospects and Rising GDP per Capita vs. High Credit Risk in the Economy", World Finance Review, Eastern Europe and Central Asia, September 2013
3. <http://www.nationalbank.kz/>
4. <http://www.afn.kz/>
5. <http://www.stat.gov.kz/>

Абдурахманов К.

Демографические процессы в Узбекистане: вызовы и перспективы

*Ташкентский Филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова
(Республика Узбекистан, Ташкент)*

doi 10.18411/scc-09-2018-18
idsp 000001:scc-09-2018-18

Аннотация

В данной статье раскрываются демографические процессы происходящие в Узбекистане, с акцентом на главный фактор воспроизводства республики – рождаемость. Анализ демографических трендов, которые непосредственно отразились на социальной сфере, в частности на пенсионном обеспечении. Также, дается экспертная оценка на перспективу развития демографических процессов в стране. В заключении даются предложения по улучшению демографической ситуации в стране.

Ключевые слова: демография, темпы роста, рождаемость, смертность, демографические процессы, пенсионное обеспечение, продолжительность жизни.

Annotation

This article reveals the demographic processes taking place in Uzbekistan, with an emphasis on the main factor of the reproduction of the republic - birth rate. Analysis of demographic trends, which directly affected the social sphere, in particular, on pension provision. Also, an expert assessment is given on the prospects for the development of demographic processes in the country. In conclusion, suggestions are made to improve the demographic situation in the country.

Key words: demography, growth rates, birth rate, mortality, demographic processes, pensions, life expectancy.

В условиях глобализации демографические вызовы приобретают первостепенное значение. Демографические вызовы связаны, прежде всего, с ростом населения, который идет нарастающими темпами. Так, например, если в начале 60-х годов прошлого столетия на Земле проживало около 3 млрд. человек, то на

сегодняшний день нас уже более 7,64 млрд., а к 2085 году этот показатель превысит 11 млрд. [7] Демографические процессы влияют на социально-экономическое развитие, как всей планеты, так и отдельно взятой страны. Путем, изменения численности и состава населения демографические процессы влияют на такие процессы как безработица, объем ВВП (на душу населения), пенсионное обеспечение и т.д.

Демографические процессы – события, которые отражают развитие во времени и пространстве явлений, непосредственно влияющих на темпы воспроизводства населения, изменение его численности и половозрастного состава. Демографические события происходят под воздействием общих и частных, случайных причин. В отдельных событиях сочетания этих причин индивидуальны и неповторимы, но в демографическом процессе, состоящегося из множества последовательных событий, они меняются и варьируют.[5, 491]

В настоящее время демографические процессы признаны ведущими экспертами мира в качестве важнейших вопросов человечества. И в Узбекистане, на сегодняшний день, эти вопросы становятся особенно актуальными. Динамика численности населения, размещение, его структура нередко выступают стратегическими факторами экономического развития и формирования его параметров на перспективу. Демографические процессы в Узбекистане развиваются в рамках общемировых демографических закономерностей с общим движением от высоких к низким темпам воспроизводства. Как показывает мировой опыт, все страны мира проходят через определенные этапы демографической эволюции или демографического перехода. Для первого из них характерны высокий уровень рождаемости и смертности, большое число многодетных семей и быстрая смена поколений. На втором этапе благодаря социальному прогрессу и успехам здравоохранения резко сокращается смертность, но сохраняется высокая рождаемость, что приводит к резкому и неконтролируемому росту численности населения. Эти два этапа Узбекистан, как и большинство стран мира, уже прошел и находится в настоящее время на третьем этапе, когда благодаря молодой структуре населения общий коэффициент смертности (ОКС) сохраняет низкие значения при ускоренных темпах снижения рождаемости. На четвертом этапе смертность превышает рождаемость и происходит депопуляция, то есть абсолютное уменьшение численности населения на основе естественного движения и быстрое демографическое старение. Депопуляция создает определенные риски и угрозы для демографической и социальной безопасности государства, так как оно фактически попадает в зависимость от других стран в формировании рабочей силы и занятости населения.

В Узбекистане демографические процессы развиваются волнообразно главным образом из-за изменений темпов естественного прироста населения. В начале 90-х годов среднегодовые темпы естественного прироста составляли 27-29 промилле, но эти показатели снизились до 14,65 промилле в 2004 году. После 2004 года наблюдается постепенное повышение уровня естественного прироста до 18,15 промилле в 2017 году. В этой связи можно отметить, что в сравнении с мировыми демографическими показателями Узбекистан занимает среднюю позицию между странами с высокими (с общим коэффициентом естественного прироста более 25 промилле) и низкими (до 15 промилле) показателями.

С начала 2000-х годов общий коэффициент рождаемости варьируется от 20,50 до 23,66 промилле (табл.1). Это дает основание утверждать, что Рождаемость в республике становится все более регулируемой внутри семьи. Государство проводит политику укрепления семейных отношений, улучшения здоровья матери и подрастающего поколения с ориентацией на «разумную рождаемость» (планирование количества детей в семье), что дает реальные результаты.

Рис. 1. Показатели рождаемости в Республике Узбекистан за 2007-2017 гг.

Относительно высокие показатели рождаемости создали следующую обстановку в стране: сегодня в Узбекистане, трудовые ресурсы составляют 60,18% от всей численности населения страны. Это связано с тем, что люди, рожденные в начале 90-х годов, вступили в репродуктивный возраст. Вместе с тем, последствия относительно низкого прироста населения 2004 года, когда рождаемость в Узбекистане была низкой, проявятся в конце 2020-х и начале 2030-х годов.

Перед Узбекистаном стоит острая проблема разработки и реализации действенной политики занятости трудоспособного населения. Правительство Узбекистана на высшем уровне понимает влияние демографической нагрузки на рынок труда и старается обеспечить экономически активное население рабочими местами. Как отметил Президент Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёев: «В течение года постоянно в центре нашего внимания находился вопрос создания новых рабочих мест, имеющий для нас чрезвычайно важное значение. В 2017 году за счет строительства новых промышленных предприятий, развития малого бизнеса и частного предпринимательства, расширения сферы услуг было организовано свыше 336 тысяч новых рабочих мест. Мы определили для себя обеспечение занятости населения в качестве приоритетной задачи, поэтому и впредь будем придавать особое значение росту этих показателей не только в количественном, но и в качественном отношении».[1]

Рисунок 1. Среднегодовые темпы естественного прироста населения Республики Узбекистан за 2015-2035 гг., % и уровень рождаемости, тыс. чел

Как было отмечено выше, республика находится на так называемом третьем этапе демографического перехода, который характеризуется относительно высоким уровнем рождаемости и низким уровнем смертности благодаря молодой структуре населения. Средний возраст ее составляет 25,7 лет (мужчин – 25,2, женщин – 26,3 лет). Ежегодный естественный прирост населения составляет 450-500 тыс. чел.[3, 15] Особенностью возрастной структуры Узбекистана, влияющей на формирование рынка труда, является высокий удельный вес населения в возрасте до 30 лет. [5, 491]

Еще одним вызовом демографических процессов, является постепенное повышение доли пенсионеров в Узбекистане. Одним из главных факторов, повлиявших на текущее положение в пенсионной сфере, являются структурные изменения в занятости. К ним можно отнести, в частности, переток трудовых ресурсов в сектора малого бизнеса и частного предпринимательства, неформальной занятости, выраженной в виде мелкой розничной торговли, оказании различных услуг главным образом, неформальная занятость в сельском хозяйстве и т.п. Главной особенностью этих видов деятельности, является отсутствие трудовых договоров и социальной защиты, неуплата налогов и взносов в социальные фонды, в том числе и пенсионных отчислений.

«Старение населения» в республике на перспективу является предсказуемым, постепенным процессом и результатом длительных демографических изменений. «Старение населения» происходит в основном «снизу». То есть, не за счёт значительного увеличения продолжительности жизни, а за счёт снижения рождаемости, сдвигов в характере воспроизводства населения, в уровне прошлой рождаемости и смертности и их соотношении, уменьшении смертности в старших возрастах в условиях постепенного снижения уровня рождаемости. Обозначенные тенденции в целом согласуются с репродуктивным потенциалом населения. В трудоспособный возраст вступает малочисленное поколение родившихся в начале 2000-х годов, а выбывать из «рабочего» возраста стало поколение 1960-х годов, т.е. периода демографического пика, который до этого периода и после не наблюдался. Это и является основной причиной роста числа потенциальных пенсионеров.

В среднесрочной и долгосрочной перспективах по нашим оценкам продолжится рост численности населения старше трудоспособного возраста (доля может составить в 2020 г до 10%, в 2030 г. свыше 13% и к 2040 г. свыше 15%). Этот рост может значительно повысить «давление» на пенсионную систему и сферу здравоохранения.

Уже сейчас 4,6 млн. официально работающих человек обеспечивают пенсию 3,3 млн. пенсионерам. Это означает, что меньше 2-х работающих человек приходится на одного пенсионера. В прошлые периоды по основным показателям, характеризующим пенсионную систему, ситуация в Узбекистане в начале 2000-х гг. была сравнительно более благоприятная. Так, на 1 пенсионера приходилось свыше 4 работающих, а средний размер пенсии покрывал почти 39% средней заработной платы (при пороговом значении не менее 30%).

В мире нет идеальной государственной системы пенсионного обеспечения. При этом если в одних странах основной упор на государственное финансирование пенсионной системы, в других – основу составляют пенсионные накопления самих граждан. Однако, как правило, в каждой стране мира используется комбинированная система, включающая в себя два или все три вида пенсионных систем. Что касается стран СНГ, то при проведении пенсионных реформ на перспективу стала проблема выбора базового пенсионного института в национальных пенсионных системах. Какому пенсионному институту отдать предпочтение: сохранить старую пенсионную систему, базировавшуюся на государственном социальном обеспечении или внедрить новый институт, основанный на принципах социального пенсионного страхования. Практически все страны СНГ (кроме Армении) отдали приоритет пенсионному страхованию.

Таким образом, население Узбекистана стареет, а существующая система социальной защиты и пенсионного обеспечения населения в недостаточной степени адаптированы к этой тенденции. В связи с вышесказанным, складывается определенный риск значительной нагрузки на пенсионный фонд и здравоохранение в долгосрочной перспективе. В этой связи на наш взгляд необходимо:

Во-первых, несмотря на высокий уровень трудоспособного населения постепенно повышать пенсионный возраст (для женщин 60 лет, для мужчин 63 года). Так как, ожидаемая продолжительность жизни в республике в 1991 году возросла с 66,4 лет, до 73,8 лет в 2016 году. Поэтому учитывая продолжительность жизни после выхода на пенсию и экономический рост, который напрямую коррелирует с повышением благосостояния населения, рано или поздно мы придём к постепенному повышению пенсионного возраста.

Во-вторых, для предотвращения нарушения устойчивости пенсионной системы в долгосрочной перспективе следует обеспечить опережающий рост численности занятых в экономике по сравнению с ростом численности пожилого населения.

В-третьих, в целях стимулирования накопления средств для обеспечения пенсионных выплат целесообразно совершенствовать рыночные механизмы, способствующие увеличению накопительной части пенсионного обеспечения населения. В частности, возможно пересмотреть систему изменения порядка перерасчета пенсий.

В четвертых, разработать и создать действенную политику планирования семьи, в которой будут применяться методы просвещения и сохранения репродуктивного здоровья молодых семей, а также создать систему страхования здоровья населения.

В-пятых для более эффективного регулирования демографических процессов и ситуации на рынке труда, провести перепись населения Республики Узбекистан.

1. Мирзиёев Ш.М. «Послание Президента Республики Узбекистан Олий Мажлису» 22.12.2017.
2. Материалы Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан
3. Абдурахманов К.Х. Проблемы занятости в инновационной экономике// Наука и практика т.30 №2. 2018 с.15.
4. Абдурахманов К.Х., Зокирова Н.К. Обеспечение достойного труда для молодежи // Экономика и современный менеджмент: теория и практика.-2016.№11 (62) с.112-119.
5. Тула Н.Б. Взаимосвязь демографических процессов и трудового потенциала Республики Узбекистан// Экономический анализ: теория и практика, 2018, т. 17, вып. 3, с. 491.
6. <https://countrymeters.info/ru/World>

Бурханов С.Б., Кучеренко Л.В.

**Анализ развития социально - экономического проекта «Свободный порт
Владивосток»**

*Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный
университет
(Россия, Владивосток)*

doi 10.18411/scc-09-2018-19

idsp 000001:scc-09-2018-19

Аннотация

Авторы проанализировали реализацию проекта «Свободный порт Владивосток». Рассмотрена роль морского транспорта в решении транспортных проблем. Показана динамика расширения географии и экономических показателей проекта.

Ключевые слова: проект, морской транспорт, грузооборот, резидент, инвестиции.

Abstract

The authors analyzed the implementation of the project "Free Port Vladivostok". The role of sea transport in solving transport problems is considered. The dynamics of geography expansion and economic indicators of the project is shown.

Keywords: project, sea transport, cargo turnover, resident, investments.

Процессы развития мирового производства определяются глобализацией международной торговли, предполагающей беспрепятственное перемещение ресурсов и товаров.

В настоящее время в перевозках внешнеторговых грузов ведущая роль принадлежит морскому транспорту с использованием большегрузных контейнеровозов. Благодаря быстродействию, экономичности, безопасности и удобству этот вид транспорта со временем получил большую популярность в мире [1]. Актуальность транспортных проблем подтверждается тем, что согласно имеющимся оценкам в настоящее время в России транспортные издержки составляют 15 – 20 % стоимости производимой продукции против 7 – 8 % в развитых странах. Причём затраты на перевозные услуги морским транспортом - 2 %, воздушным - 3%, автомобильным - 7% , железнодорожным - 87% [2].

Морской транспорт Приморского края является одной из важнейших отраслей его специализации. Морские порты Приморского края являются фактически торговыми воротами России в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Однако потенциал морских портов используется не полностью.

Цель настоящей работы состоит в анализе развития проекта «Свободный порт Владивосток» в концепции развития морского транспорта Приморского края.

Свободные порты в системе мировых хозяйственных связей рассматриваются как фактор ускоренного экономического роста за счёт мобилизации инвестиций, активизации мирового товарооборота, обмена технологиями и информацией.

В декабре 2014 года президент России В.В.Путин предложил в своем послании Федеральному Собранию предоставить Владивостоку статус Свободного порта. 13 июля 2015 года был подписан Федеральный закон № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток», который вступил в силу 12 октября 2015 года. Свободный порт Владивосток (СПВ) – это один из ключевых проектов, направленный на ускоренное развитие города Владивостока, Приморского края и Дальневосточного региона в социально- экономическом направлении.

Главной задачей СПВ является установление особых мер государственной поддержки предпринимательской деятельности с целью первоочередного развития экспортно-импортных операций субъектов внешнеэкономической деятельности и наращивания товарооборота, проходящего через восточные порты России. Это повлечет за собой новые инвестиции на развитие портовой инфраструктуры [3].

В 2015 году СПВ занимал четвертую часть территории Приморского края. Площадь территории составляла 38 тыс. квадратных километров. Новый экономичный режим был создан на территории 16 муниципальных образований Приморского края. В СПВ вошли: городские округа (Артёмовский, Владивостокский, Большой камень, Находкинский, Партизанский, Спасск - Дальний, Уссурийский), а также муниципальные районы (Надежденский, Лазовский, Октябрьский, Ольгинский, Партизанский, Пограничный, Хасанский, Ханкайский, Шкотовский).

К территории СПВ относятся морские порты международного значения и аэропорт «Кневичи». В зону действия СПВ входят два международных транспортных коридора: «Приморье - 1» (Харбин – Суйфень хе - Гродеково, морские порты Владивосток, Находка, Восточный – морские порты стран АТР) и «Приморье - 2» (Чаньчунь – Цилинь – Хунчунь – Махалино, морские порты Посьет, Зарубино – морские порты АТР).

Транзит грузов из северо-восточных провинций Китая в порты Приморья, с последующей отгрузкой на морские суда в страны АТР, позволил получить значительный экономический эффект.

В 2016 году по поручению президента В.В.Путина режим порто-франко был распространён на ключевые гавани Дальнего Востока: Ванинский муниципальный район, Корсаковский городской округ, Петропавловск - Камчатский, Певек, Лазовский муниципальный район. В 2018 году режим свободного порта распространён на Советско- Гаванский муниципальный район [4].

Анализ грузооборота морских портов Дальневосточного бассейна показал его умеренный рост с 2015 года по 2017 года 1.12 раза (с 171.0 до 191.7 млн. тонн). Согласно статистике Ассоциации морских торговых портов по итогам 2017 года грузооборот порта Владивосток составил 17 млн. тонн, что выше показателей прошлого года на 18.2 %. На долю Владивостокского морского порта приходится 44% от всего грузооборота порта Владивосток и его грузооборот вырос на 33 % и достиг 7.5 млн. тонн. Это рекорд за 120 лет работы порта. Это удалось достичь за счёт модернизации портовой инфраструктуры [5]. Тенденция увеличения грузопотока очевидна, при этом увеличивается объём контейнерных перевозок. Явную заинтересованность показывает круизный флот потому, что растёт поток туристов, желающих посетить нашу страну и город Владивосток.

После опубликования Федерального закона «О свободном порте Владивосток» правительство РФ издало постановление от 20 октября 2015 года № 1123 «Об утверждении критериев отбора резидентов свободного порта Владивосток». На конец ноября 2015 года было всего лишь около двух десятков заявок на получение статуса резидента СПВ [6].

Анализ развития проекта показал динамику числа резидентов и инвестиций (таблица).

Таблица

Данные по изменению условий осуществления проекта СПВ

Год	Число резидентов	Инвестиции, млрд. руб.
2016	118	183
2017	217	300
2018	814	463

В настоящее время во всех морских портах края ведутся работы по модернизации и расширению производственных мощностей. Первоочередными задачами региона по развитию морского транспорта являются: реконструкция старых и строительство новых причалов, развитие портов, создание единой автоматизированной системы управления движения судов, приобретение транспортных средств. Одной из задач, рассмотренных на Восточном экономическом форуме во Владивостоке в сентябре 2018 года, была всесторонняя экспертная оценка экономического потенциала российского Дальнего Востока, а также повышение конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности региона, как на российском, так и на международном уровне.

1. Управление грузовыми потоками в транспортно-логистических системах / Л.Б.Миротин, В.А.Гудков, В.В.Зырянов и др. Под ред. Л.Б.Миротина. - М.: Горячая линия – Телеком, 2010. 704 с.
2. Транспортные издержки: понятия и классификация [Электронный ресурс] - Режим доступа: [http://www/helpiks.org/9-19951.html](http://www.helpiks.org/9-19951.html) (Дата обращения 20.09.2018)
3. Красова Е.В., Ма Инсинь Свободный порт Владивосток: условия развития, перспективы, риски // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции прогноз, 2015. № 6(42). С.108-122.
4. Свободный порт Владивосток [Электронный ресурс] - Режим доступа: [http://www/minvr.ru/activity/svobodnyy-port-vladivostok/](http://www.minvr.ru/activity/svobodnyy-port-vladivostok/) (Дата обращения 22.09.2018)
5. Грузооборот морских портов России за 2017 год [Электронный ресурс] - Режим доступа: [http://www/rzd-partner.ru/water-transport/reviews/obzor-gruzooborota-morskikh-portov-rossii-itogi-2017-goda/](http://www.rzd-partner.ru/water-transport/reviews/obzor-gruzooborota-morskikh-portov-rossii-itogi-2017-goda/) (Дата обращения 20.09.2018)
6. Фисенко А.И., Хакмаза Е.А. Интересы и критерии отбора резидентов свободного порта Владивосток // Транспортное дело России, 2015. №5. С. 167-169.

Суховей А.Ф., Голова И.М.

**Угрозы развития российских научно-технологических парков как проблема
экономической безопасности**

*Институт экономики УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)*

doi 10.18411/scc-09-2018-20

idspl 000001:scc-09-2018-20

В условиях перехода мирового сообщества на инновационную модель развития одним из действенных механизмов модернизации экономики за счет актуализации научно-технического и инновационного потенциала территорий, является, как свидетельствует мировая практика, развитие инновационной инфраструктуры [1]. Начиная с 70-х гг. XX в., целенаправленное построение инновационной инфраструктуры становится приоритетом экономической политики во многих странах. Примечательно, что ряд стран, в том числе Германия, Великобритания, Франция, в 70-е – 80-е гг. использовали технопарки как механизм вывода экономики из кризиса. Результаты применения этого механизма – экономический рост, создание сотни тысяч новых рабочих мест. Мировая практика убедительно показывает, что технопарки и иные объекты инновационной инфраструктуры становятся «точками роста», которые задают тон и темп современному социально-экономическому развитию.

Россия не осталась в стороне от процесса формирования инновационных комплексов. Первый современный научно-технологический парк был создан еще в 1990 г. (г. Томск). А на начало 2018 г. в РФ было зарегистрировано свыше 600 объектов инновационной инфраструктуры. Но нельзя не отметить, что развитие инновационной инфраструктуры в РФ идет крайне неравномерно. Так, заметно опережают другие регионы по количеству созданных инновационных комплексов г. Москва и Московская область, на долю которых в настоящее время приходится в совокупности порядка 36 объектов инновационной инфраструктуры, т.е. 1/3 всех территориальных инновационных комплексов. В то же время на долю Свердловской области, отличающейся развитым научно-техническим, инновационным и промышленным потенциалом, приходится только 9 научно-технологических парков, т.е. в 4 раз меньше, чем в этих двух регионах.

Еще более значителен разрыв по обеспеченности объектами инновационной инфраструктуры между Центром и такими федеральными округами, как Северо-Кавказский (в 9,5 раза), Дальневосточный (в 5,7 раза) и Уральский (в 5,3 раза) (табл. 1,5).

Очевидные перекосы в размещении инновационных комплексов в РФ приводят к тому, что формируемая инфраструктура не способствует децентрализации производства и выравниванию диспропорций регионов по уровню социально-экономического развития как это происходит в Японии, США и ряде других стран. Напротив, концентрация объектов инновационной инфраструктуры преимущественно вокруг столичных и крупных городов еще более усиливает межрегиональные различия и противоречия по таким важным параметрам, как объемы инвестиций, технологическая оснащенность и конкурентоспособность производства и экономики в целом, уровень жизни и доходов населения, создание высокооплачиваемых рабочих мест и др.

Следует подчеркнуть и существенный разброс в финансировании объектов инновационной инфраструктуры, усиливающий и без того имеющиеся в отечественной практике проблемы и перекосы в инновационном развитии. Так, из государственного бюджета особенно щедро финансируется инноград Сколково.

За период с 2013 по 2015 год федеральный бюджет потратил на проект иннограда 65,5 млрд руб. При этом бюджетные субсидии составили львиную

долю доходов фонда «Сколково» — почти 78%. Еще 5,7 млрд руб. (почти 7% дохода) «Сколково» получило от размещения бюджетных денег на банковских счетах. При этом собственная деятельность принесла фонду только 4,5% доходов. Примечательно также, что на зарплаты 333 сотрудников «Сколково» ушло почти в два раза больше бюджетных денег, чем на 287 грантов, — 8,9 млрд руб. В 2015 году средняя зарплата в фонде «Сколково» составила более 468 тыс. руб., что в 13,8 раза выше средней по России (33,8 тыс. руб.) и в 5,3 раза выше средней зарплаты по Москве (88,6 тыс. руб.). Что же касается отдачи от функционирования иннограда, то, как и следовало ожидать, на исследовательскую деятельность за это же время было потрачено в два раза меньше средств. И это притом, что «Сколково» создавалось именно для того, чтоб поддерживать исследования и превращать их в высокодоходные и востребованные потребителями коммерческие проекты. Однако проверка выручки участников проекта «Сколково», проведенная Счетной палатой в 2015–2016 гг, показала, что 47 участников проекта, получивших гранты на общую сумму 1,5 млрд рублей, не имели в 2013–2015 годах вообще никакой выручки. А среди тех участников проекта, которые получили самую большую выручку (более 100 млн рублей), обнаружилось шесть компаний-резидентов, у которых научно-исследовательская деятельность отсутствует в составе заявленных видов деятельности.

Таким образом, результаты проверки Счетной палатой деятельности иннограда Сколково не только выявили наличие крупных финансовых злоупотреблений, но еще и высветили вполне реальную перспективу очернения в глазах общественного мнения идеи создания и развития научно-технологических парков, которые теперь вполне могут ассоциироваться как источник коррупции.

Выход из этой ситуации видится только в строгом наказании виновных, а также разработке системы жестких юридических и экономических санкций применительно к тем физическим и юридическим лицам, которые используют целевые финансовые средства, предназначенные для развития инновационной деятельности, для своего личного обогащения.

Серьезным тормозом в развитии инновационной инфраструктуры в РФ являются также несовершенство правовой базы в сфере инновационной деятельности и правовая неграмотность самих участников инновационных процессов. Так, в федеральном законодательстве отсутствует рамочный закон о научно-технологических парках. Что касается принятого закона о промышленной политике [2], а также проекте федерального закона «О технопарках в сфере высоких технологий», то в них отсутствуют статьи, определяющие специфику технопарков, их роль в социально-экономическом развитии и критерии отнесения к ним.

В числе основных проблем развития российских технопарков можно назвать отсутствие четкого представления у лиц, принимающих решения, о том, что же такое технопарк, каково его предназначение, цели и задачи в обеспечении устойчивого развития территорий и страны в целом, непонимание особенностей инновационного бизнеса, слабость и неустойчивость финансовой поддержки, отсутствие системности в ее оказании.

Вследствие непонимания высоко рискованной природы инновационной деятельности, государственная поддержка российским технопаркам в большинстве случаев оказывается преимущественно на стадии строительства объектов технопарка. При этом совершенно игнорируются потребности в финансовых ресурсах инноваторов — потенциальных резидентов, ради которых, собственно, и создается технопарк. Им предлагается искать источники инвестирования самостоятельно. Причем, в отличие от резидентов ОЭЗ и иннограда «Сколково», федеральных налоговых льгот для резидентов технопарков не предусмотрено; некоторые из субъектов РФ предоставляют им региональные льготы, но размеры этих льгот, разрешенные Налоговым кодексом РФ, очень невелики. В условиях неразвитости института венчурного финансирования и

недружественной к инновациям бизнес-среды этим сразу отсекается самая рисковая и вместе с тем наиболее перспективная с точки зрения получения принципиально новых технико-технологических решений группа проектов, ориентированных на создание инноваций на основе результатов НИОКР с высоким уровнем научной новизны [3, с. 383-384].

Неблагоприятные начальные условия резко снижают ожидаемую эффективность российских научно-технологических парков, многие из которых в итоге работают как обычные производственные площадки.

Еще одной весьма распространенной ошибкой в отношении к научно-технологическим паркам является непонимание сущности этой инновационной деятельности как процесса создания принципиально новой продукции на основе использования современных технологий. Зачастую наукограды, технопарки и другие объекты инновационной инфраструктуры, призванные создавать максимально благоприятные условия для развития инновационной деятельности, рассматриваются (кстати, даже самими инноваторами) как типовые коммерческие предприятия, главная цель которых – получение прибыли. Характер выпускаемой продукции при этом не принимается в расчет. Такое в корне неверное понимание технопарковых структур совершенно четко прочитывается, например, в отчетах экспертов, отслеживающих результативность российских технопарков.

Ассоциация кластеров и технопарков (АКИТ), например, уже третий год подряд (2015-2017 гг.) подводит итоги национального рейтинга технопарков России, в котором дает оценку эффективности их функционирования и инвестиционной привлекательности. Весьма показательно, что среди показателей, которые анализируют эксперты, отсутствуют такие необходимые для оценки инновационной деятельности индикаторы, как объем и доля выпускаемой инновационной продукции в общем объеме производства; объем и доля инновационной продукции и услуг в экспорте конкретных резидентов и технопарка в целом; объем совокупной выручки, полученной от реализации инновационной продукции и услуг.

Еще одним подтверждением непонимания инновационной специфики технопарков является тот факт, что в настоящее время как минимум половина доходов управляющих компаний технопарков составляют поступления не от реализации инновационной продукции и услуг, а просто-напросто от сдачи ими имеющихся помещений в аренду.

Весьма серьезным тормозом для активизации инновационных процессов в РФ является также непостоянство инновационной политики, которая по непостижимым причинам меняет приоритеты, бросаясь на поддержку все новых и новых проектов и забывая при этом о судьбе тех объектов, которые планировались к реализации совсем недавно. Так, в начале-середине 1990-х гг. Россия «переболела» научно-технологическими парками, которые, практически не получив финансовой поддержки из государственного бюджета, завяли на корню. Им на смену в конце 90-х – начале 2000-х гг. пришло увлечение наукоградами, но программа их развития уже к 2005 г. практически была свернута. Сегодня на повестке дня стоит формирование инновационных кластеров и технологических платформ. Возникает закономерный вопрос: быть может, не стоит вкладывать средства в создание новых и притом зачастую дорогостоящих объектов инновационной инфраструктуры, а довести до ума хотя бы часть уже начатых наиболее перспективных проектов?

Подводя итоги анализу проблем современного развития инновационной инфраструктуры, следует подчеркнуть, что проблема финансирования объектов инновационной инфраструктуры – далеко не единственная и даже не главная в их развитии. Основная проблема, судя по планам и результатам их формирования и функционирования, заключается в том, что на государственном и, прежде всего, на федеральном уровне, отсутствует внятно сформулированный для проектируемых и

действующих объектов инновационной деятельности долгосрочный социальный заказ на реализацию конкретных инновационных целей и проектов. Так, даже для крупных и инновационно продвинутых территориальных инновационных комплексов – наукоградов, в частности, для городов Обнинск, Бийск, Реутов и других, где разработаны достаточно развернутые стратегии развития муниципальных образований на перспективу, тем не менее, отсутствуют программы инновационного развития с соответствующими увязанными с решением задач модернизации экономики и других важных социально-экономических проблем целями, задачами и приоритетами, а также с показателями для мониторинга, необходимыми для контроля за реализацией этих программ.

Стоит ли удивляться, что при таком положении дел инновационная деятельность топчется на месте без руля и без ветрил, рассыпаясь на отдельные и плохо стыкующиеся между собой фрагменты инновационной системы?

Имеющиеся серьезные просчеты инновационной стратегии показывают: инновационная инфраструктура – необходимый элемент инновационной системы, и поэтому решать проблемы формирования современных инновационных комплексов можно только в контексте перехода российской экономики на инновационный путь развития. Вне инновационной парадигмы инновационная инфраструктура не имеет особого экономического смысла и выполняет, по большей части, лишь охранительно-демонстрационные функции, замыкаясь в небольших анклавах, что, к сожалению, мы сегодня и наблюдаем.

1. Суховой А.Ф. Инновационная инфраструктура как драйвер социально-экономического развития: отечественный и мировой опыт //Экономический анализ: теория и практика. 2014. – № 45. – С. 11-19.
2. О промышленной политике в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации. N 488-ФЗ от 31 декабря 2014 г. (в ред. от 27.06.2018) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Голова И.М. Проблемы и приоритеты формирования инновационной составляющей устойчивого развития // Формирование каркаса экономической безопасности в аспекте обеспечения устойчивого развития региона. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. – С. 375-391.

Чернышова О.Н., Федорова А.Ю., Турбина Н.М.
Анализ направлений работы банков с проблемными кредитами

*Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
(Россия, Тамбов)*

doi 10.18411/scc-09-2018-21

idsp 000001:scc-09-2018-21

Все меры коммерческих банков по взысканию долгов по проблемным кредитам условно делятся на внесудебные и судебные. Среди направлений данных мероприятий в свою очередь выделяют меры по работе с проблемными заемщиками (Таблица 1).

Если проблемным заемщиком оказывается юридическое лицо – быстрее и эффективнее для кредитной организации применять сразу судебные меры. При работе с физическими лицами лучше всего применять более «мягкие» формы воздействия, как например звонки с напоминанием, воздействие через родственников, соседей, коллег или работодателя. Однако, недопустимым является выход за рамки работы в законодательном поле.

В значительной степени на структуру займов и депозитов населения повлиял Финансовый кризис 2008-2009 гг. и Системный кризис 2014-2015 гг. Так как зарубежные контрагенты российских предпринимателей требовали в большинстве

своем производить расчеты в твердой валюте, а не рублем, находящимся на тот момент в стадии затяжной девальвации, за 2009-2016 г. объем валютных кредитов, по данным Банка России, составил более 1200 %. [2]

Таблица 1

Меры по урегулированию проблемной задолженности [1]

Внесудебные меры	Судебные меры
Внесение дополнений в текст договора	<u>Претензионно-исковые мероприятия</u>
Реструктуризация долговых обязательств	Начало процедуры банкротства
Переуступка долговых обязательств третьим лицам	Взыскание долга путем продажи активов должника
Списание безнадежных к взысканию проблемных активов	

Последовавший затем структурный кризис российской экономики 2014-2015 гг. привел к существенным проблемам у валютных заемщиков: валютный курс рубля к самым распространенным валютам – доллару США и евро просел в 1,5 – 2 раза за очень короткий срок, таким образом нагрузка на валютного заемщика увеличилась на ту же величину, что стало причиной проблемности и невозвратности значительно больших объемов ссуд, чем было заложено в стратегиях коммерческих банков.

В этой связи, одним из критериев, на основе которых оцениваются кредитные риски, является сопоставимость валюты, в которой заемщик получает свой доход, и валюты, в которой был предоставлен кредит.

Получение дохода исключительно в рублях должно стать существенным индикатор, отражающим риск невозврата, так как в случае снижения курса национальной валюты (что даже в современных условиях достаточно вероятно) долговая нагрузка на заемщика увеличится, и могут начаться трудности с погашением кредита.

Для расчета дополнительного риска по кредиту в иностранной валюте (ДР) можно использовать следующую формулу (1):

$$\text{ДР} = (\text{Пв} + \text{ПЧКв}) : (\text{ЧДр}) * 100\%, (1)$$

где Пв – процентные выплаты за кредитные средства в иностранной валюте за отчетный период;

ПЧКв – сумма к погашению основного долга в иностранной валюте за отчетный период;

ЧДр – чистый доход заемщика в рублях до возврата суммы основного долга и процентов за кредит, а также уплаты налогов.

В соответствии с рассчитанным значением ДР и категорией ссуды, определенной в установленном порядке, к обязательным отчислениям в резерв на возможные потери по ссудам следует добавить дополнительные отчисления. Итоговая величина отчислений в резерв (ООР) рассчитывается по следующей формуле (2):

$$\text{ООР} = (\text{ДОВ} + \text{ПОПС}) * \text{К}, (2)$$

где ДОВ – процент дополнительного отчисления в РВПС по кредитам в иностранной валюте; ПОПС – процент отчислений, определенный согласно профессиональному суждению о качестве кредита; К – сумма классифицируемого кредита в иностранной валюте. [3]

Например, если суда классифицирована как нестандартная, в соответствии с Положением Банка России № 590-П от 28.06.17, отчисления в резерв на возможные

потери по ссудам должны составить 15% от суммы кредита, а ДР быть равным 40%, в этом случае дополнительно необходимо отчислить в резерв еще 7%, т.е. общая величина отчислений в резерв – 22%.

В Таблице 2 приведены дополнительные отчисления в РВПС в зависимости от значения дополнительного риска. В Таблице 2 отсутствуют проблемные и безнадежные кредиты, так как отчисление в резерв по ним составляет, как правило, 100%. Если по проблемному кредиту отчисление составит менее 100%, то необходимо добавить еще 25% или менее, чтобы в сумме эта величина не превысила 100 % (например, $85\%+15\%=100\%$ или $65\%+25\%=90\%$).

Таблица 2

Дополнительные отчисления в РВПС по кредитам в иностранной валюте [4]

Категория кредита	Значение дополнительного риска, %			
	0-20	21-50	51-75	76-100
Стандартный	1	2	4	5
Нестандартный	5	7	10	15
Сомнительный	7	10	15	25

В случае отказа заемщика платить по ссуде, обеспеченной залоговым активом, у банка возникает проблема его реализации.

Прежде чем выбрать наиболее рациональный способ реализации заложенного актива, кредитная организация должна провести инвестиционный анализ по следующим критериям:

- 1) доступные варианты реализации актива;
- 2) оценка текущей ликвидности актива;
- 3) оценка ликвидности и доходности актива в среднесрочном и долгосрочном периоде.

В зависимости от результатов анализа выбирается схема реализации.

В целях проведения анализа проблемных кредитов в кредитной организации, как правило, формируется специальное структурное подразделение со своими обязанностями и полномочиями. Одним из полномочий данного подразделения является определение наилучшего варианта реализации актива: досрочная продажа, удержание, развитие и др. [5]

Приведем примеры мероприятий по работе с такими объектами залога как коммерческая недвижимость или земельные участки.

1. Временное удержание и управление. В случае, если объект недвижимости способен приносить рентный доход, является качественным, и у кредитной организации есть финансовые возможности по его содержанию, то в такой ситуации целесообразно оставить его себе. Основным направлением работы по объекту является деятельность по повышению ликвидности данного актива.

Наиболее целесообразно в данном случае привлечь к объекту профессиональную управляющую компанию (УК), так как она сможет быстрее и качественнее приступить к работе, чем условное собственное подразделение по обслуживанию объекта. Другими словами, результативней передать основную часть

проблемных активов на аутсорсинг для избежания лишних финансовых потерь и структурных преобразований.

2. Вывод объекта на SPV (Special Purpose Vehicle). SPV – это подотчетная кредитной организации специализированная компания, на балансе которой будет стоять залоговый актив. Данный метод применяется с целью недопущения отрицательного баланса на основном счете кредитной организации и, как следствие, недопущения снижения рейтинга банка.

Тем не менее, данный метод служит в качестве временного решения и применяется совместно с другими.

3. Перевод объекта в Кредитный закрытый паевой инвестиционный фонд (КЗПИФ).

Возможны два случая перевода объекта в паи:

1) Когда кредитная организация была вынуждена изъять проблемный актив и разместить его у себя на балансе. В данном случае будет применен ЗПИФН (Закрытый паевой инвестиционный фонд недвижимости)

2) Объект не изъят, однако кредит постепенно получает статус «проблемный». В качестве инструмента будет выбран КЗПИФ (кредитный закрытый паевой инвестиционный фонд)

Инструмент КЗПИФ на данный момент актуален для многих кредитных организаций, так как решает вопросы оздоровления баланса и повышения ликвидности путем снятия проблемных активов, что таким образом высвобождает денежные средства, которые банку пришлось бы использовать в качестве резервов. В результате подобных действий банк получает себе на баланс не активы, а паи и доход с заложных данных активов в паевой фонд.

4. Сдача объекта в Закрытый паевой инвестиционный фонд недвижимости (ЗПИФН). В рамках данного варианта можно выделить как минимум два положительных момента:

1) кредитной организации на баланс переходят ценные бумаги, а не недвижимое имущество, в результате чего банк получает экономию в виде налога на имущество или на землю. Зачастую данная экономия может составлять 100 процентов от выплат организациям, обслуживающим фонд;

2) у банка появляется возможность осуществлять реинвестирование высвобожденных средств, которые аккумулируются в результате оптимизации выплат по налогу на прибыль, так как в период нахождения актива в фонде данные платежи не осуществляются.

Паевые фонды – это открытый, прозрачный и понятный инструмент работы с залоговыми объектами по проблемным кредитам. С помощью их кредитная организация всегда может реализовать залоговый актив, который выставляется на продажу от фонда, а полученная прибыль распределяется между пайщиками.

5. Реализация на аукционе по «голландской» схеме. Любой аукцион, реализуемый банком, воспринимается в нашей стране как возможность приобретения движимого или недвижимого имущества по заниженной стоимости. Но при закрытой форме аукциона цена лота заранее неизвестна либо фиксируется какая-то начальная стоимость. На закрытом аукционе объект торгуется следующим образом: рассматриваются все предложения по офертам и выбирается максимальная из них. При использовании такого инструмента банк имеет возможность реализовать проблемные активы по более высокой стоимости, чем в рамках обычной формы аукциона.

6. Реализация активов в рамках аукциона типа Short Sale. Продажа активов на аукционе типа Short Sale (быстрые продажи) может осуществляться в случае, если объект залога еще стоит на балансе у банка. Данный аукцион представляет собой инструмент, который заключается в следующем: заемщик, не способный выполнять обязательства перед банком, самостоятельно занимается поиском покупателя, который

приобретает актив по цене чуть ниже стоимости залога. В России данная форма аукциона начала применяться не так давно, в то время как в США, например, подобная схема используется несколько десятилетий.

Более подробно данную схему можно описать так: заемщик (залогодатель) находит покупателя на заложенный актив по стоимости ниже той, по которой принимался объект (залоговой стоимости, определенной оценочной компанией за минусом дисконта). После этого собственник выставляет предложение по ofercie на рассмотрение кредитной организации, которой отдавался в залог данный объект. В случае принятия положительного решения и осуществления сделки купли-продажи, банк получает возврат денежных средств, но с небольшим дисконтом, покупатель приобретает актив по цене существенно ниже рыночной, а заемщик закрывает свои кредитные обязательства. Однако здесь есть нюансы, одним из которых является долгое рассмотрение заявки банком и принятие решения.

7. Реализация объекта по лизингу. Юридическое лицо желает купить у банка объект залога, но не обладает достаточным количеством средств, чтобы приобрести его целиком. Тем не менее, у данной компании есть необходимое количество оборотных средств, а также ее финансовое состояние является устойчивым, чтобы приобрести данный объект в лизинг.

В соответствии с договором лизинга покупатель приобретает у кредитной организации объект залога, за пользование которым уплачиваются установленные договором лизинга платежи в течение установленного периода. Платежи по лизингу включают в себя процент и часть стоимости объекта залога. По окончании срока договора лизинга и выполнения всех обязательств по уплате платежей, право собственности на объект переходит покупателю.

Существенные особенности данной схемы заключаются в том, что здесь основополагающим моментом является изначальная привлекательность объекта залога для покупателя. Также стоит учитывать, что затраты по поиску лизингополучателя в условиях непопулярности такой операции могут быть сильно завышены. [6]

Подводя итог, стоит сказать, что сформировать универсальную схему работы с залогами по проблемным кредитам невозможно: к каждому случаю необходимо подходить индивидуально: так любой из представленных методов может быть наиболее эффективным в одном конкретном случае, но нерентабельным в другом.

1. Шеремет А.Д. Методика финансового анализа учеб. пособие для вузов. - М.: Инфра-М 2012.- 228 с.
2. Юсупова О.А. Управление проблемными кредитами в портфеле коммерческого банка // Инновационная экономика и общество – 2016. - №2(12). – С. 85-91.
3. Тосунян Г. А. Банковское дело и банковское законодательство в России: опыт, проблемы, перспективы. М.: Дело ЛТД, 2015.
4. Ковзанадзе И. Контроль за деятельностью коммерческих банков и их ликвидностью // Финансы.- 2000.- N 10. -С. 71-72
5. Белоглазова Г.Н. Деньги. Кредит. Банки: учебное пособие. – М.: Высшее образование, 2009. - 621 с.
6. Поляк Г.Б. Финансы: учебное пособие. – 3-е изд. перераб. и доп. – М.: Юнити - Дана, 2014. – 705 с.

РАЗДЕЛ VII. МЕНЕДЖМЕНТ

Родионова Е.А., Маклакова А.А., Доминяк В.И.

Взаимосвязь удовлетворенности трудом сотрудников с направленностью руководителя

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi 10.18411/scc-09-2018-22

idsp 000001:scc-09-2018-22

Аннотация

В работе представлены основные определения удовлетворенности трудом, ключевые теории и концепции изучаемой проблемы. Эмпирическое исследование было направлено на анализ взаимосвязей удовлетворенности трудом с направленностью руководителя и оценкой возможности реализации мотивов.

Ключевые слова: удовлетворенность трудом, трудовая мотивация, направленность личности руководителя.

Abstract

The paper presents the main definitions of job satisfaction, basic theories and concepts of the problem under study. The empirical study was aimed at analyzing the relationship of satisfaction.

Keywords: job satisfaction, work motivation, orientation of the head of the person.

Введение. Проблема повышения производительности труда и эффективности использования трудового потенциала сотрудников является одной из актуальных и трудно разрешаемых на сегодняшний день. Интерес к изучению удовлетворенности трудом обусловлен тем, что в компаниях с каждым годом возрастает значимость человеческого фактора. Все чаще перед организациями возникают вопросы, насколько сотрудники удовлетворены своим трудом. Каждый работодатель хочет, чтобы труд его сотрудников был, в первую очередь, эффективным, а удовлетворенность является одним из компонентов, составляющих эффективность, под которой мы понимаем следующее: Эффективность = Продуктивность + Удовлетворенность [5]. Анализ удовлетворенности предоставляет возможность выявить руководству отношение сотрудников к занимаемой должности, выполняемой работе, а также вовремя принять меры по устранению факторов, приводящих к неудовлетворенности трудом. В этом случае ведущая позиция при формировании компонентов эффективности принадлежит руководителю, от которого зависит, в том числе, система ценностей, принятых норм в коллективе. Результаты исследований показывают, что учет мотивов сотрудников, предоставление им возможностей для реализации этих мотивов, прямо связано со степенью удовлетворенности трудом (Родионова Е.А.). Д. Шульц в своей книге «Психология и работа» утверждает, что сотрудник, который удовлетворен работой будет меньше жаловаться, вступать в конфликтные ситуации на рабочем месте, у такого сотрудника значительно снижается процент прогулов, повышается производительность труда, мотивация к работе и вовлеченность в жизнь организации [7, с.5]. Это, в свою очередь, благоприятно сказывается на деятельности организации в целом: снижается текучесть кадров и повышается качество продуктов. Удовлетворенность это один из ключевых компонентов эффективности. Сотрудник может быть эффективным, когда он мотивирован, когда имеет возможность

удовлетворять свои потребности, понимает и принимает цели и задачи компании, умеет работать в команде, где есть общая цель, которая соотносится с целью компании [5].

Методология и степень разработанности проблемы. Первенство в изучении удовлетворенности трудом принадлежит западным ученым, начало XX века. В России удовлетворенность трудом активно начали изучать с 1960-х гг. В. А. Ядов и А. Г. Здравомыслов, в книге «Человек и его работа» изложили свой взгляд на сущность удовлетворенности, выделили и структурировали факторы, определяющие удовлетворенность трудом. Специфика современных исследований заключается в обобщении полученных в прошлом результатов, так как понятие удовлетворенности достаточно широкое, и ученые исследовали отдельно взятые факторы, выступающие предикторами удовлетворенности и проецировали их на понятие удовлетворенности трудом в целом. При этом исследований связи удовлетворенности трудом с направленностью личности руководителя не обнаружено.

Цель исследования: изучение взаимосвязи направленности руководителя и степени удовлетворенности трудом сотрудников.

Задачи исследования:

1. Оценить степень удовлетворенности трудом сотрудников и преобладающую направленность руководителей;
2. Оценить возможность реализации мотивов сотрудников (с точки зрения сотрудников и с точки зрения руководителя);
3. Проанализировать взаимосвязь степени удовлетворенности трудом с направленностью личности руководителя.

В качестве гипотезы мы предположили, что направленность личности руководителя на коллектив и психологический климат имеет прямую корреляцию со степенью удовлетворенности трудом, независимо от компонентов удовлетворенности (процессом, руководителем, результатами и пр.). При этом совпадение оценки возможности реализации мотивов сотрудников компании с точки зрения сотрудников и руководителя также связано с уровнем удовлетворенности трудом.

В основе исследования лежит следующая методологическая база: концепция Лазаруса и теория мотивационного потенциала (В. Доминьяк). В связи с этим были выбраны следующие методики исследования: методика «Возможность реализации мотивов» Доминьяк В. И., (2003), анкета В. А. Розанова «Удовлетворенность работой», методика «Диагностика направленности руководителя» А.А. Ершова (Батаршев А.В., 2005).

На сегодняшний день нет единого и универсального определения понятия удовлетворенности трудом. Причиной большого количества трактовок термина выступает, во-первых, сложность проблемы, во-вторых, широкая область ее изучения и, как следствие, недостаточная исследованность. Именно в этом Т. Китвель видел трудности, возникающие между учеными при сравнении результатов их работ. Сущность непонимания заключалась в неоднозначности раскрытия смысла самого термина [4]. Однако, Ф. Н. Ильясов подчеркивал, что обилие определений не противоречит друг другу, а скорее наоборот помогает более полно раскрыть суть вопроса [3]. В.А. Ядов провел анализ становления парадигм социологии труда. В ходе этого анализа было установлено, что разница в понимании удовлетворенности трудом является следствием эволюции парадигм. т.е. определение, методы исследования и интерпретация обусловлены той парадигмой, в рамках которой работают исследователи.

Первое направление характеризуется тем, что труд рассматривается как процесс удовлетворения потребностей человека. А в теории удовлетворенности трудом фигурируют такие понятия, как потребность, мотив, установка, отношение. Удовлетворенность трудом здесь является показателем оценки степени насыщения

потребностей, связанных с трудовым процессом. Сторонниками указанного подхода в отечественной психологии являются В. А. Ядов, А. А. Киссель, Т. А. Китвель и другие.

Второе направление менее популярно и определяет труд как общественное разделение функций, благодаря чему существует и поддерживается система. В теории удовлетворенности трудом используются такие дефиниции, как социальный статус, обмен, сравнение. Удовлетворенность трудом расценивается как удовлетворенность социальным статусом (Н. Ф. Наумова, Ф. Н. Ильясов).

Не существует также единого перечня факторов, влияющих на удовлетворенность. Множество авторов выводили свою структуру, например, Н. С. Новоселов свел элементы удовлетворенности в такие группы, как психологический климат, условия труда и функциональное содержание труда. Н. Ф. Ильясов считал, что структуру удовлетворенности составляют: удовлетворенность социальным статусом, удовлетворенность производственной ситуацией, удовлетворенность функциональным содержанием труда, подобный набор факторов объясняется направлением, в рамках которого работал автор, где удовлетворенность трудом рассматривалась в качестве удовлетворенности социальным статусом [3]. Составители Корнельского трудового индекса (JDI) выделили факторы, которые распределили по пяти группам: оплата труда, карьера, психологический климат, отношения с руководством и непосредственно сама работа. Локке выделил значимые аспекты, необходимые для удовлетворенности работой следующим образом: признаки заданий, внешние условия, оплата, карьера, признание, руководитель, коллеги, организация и управление фирмой [2, с.107]. Зачастую отбор ситуативных аспектов теоретически не обоснован и вызывает вопросы: почему в перечень факторов не была включена степень свободы действий и т.д.

Таким образом, в исследованиях природы удовлетворенности трудом ведущую роль придают мотивационным и социальным компонентам. В связи с этим наша работа связана с оценкой возможности реализации мотивационных ожиданий в ходе трудового процесса и с направленностью личности руководителя, непосредственно контактирующего с трудовым коллективом.

Помимо выявления факторов, приводящих к удовлетворенности трудом, необходимо понимать динамику изменения и способы воздействия на нее. На данный вопрос можно найти ответ в концепции Лазаруса, которая отражает динамику процесса больше с позиции самого человека. Итак, в случае неудовлетворения значимых потребностей в ходе трудового процесса, у человека ухудшается его состояние. Если он считает, что разница между должным и фактическим состоянием сохранится и в будущем, то чувство неудовлетворенности – угроза для психики. Человек стремится устранить эту разницу, посредством собственных действий, которые, в свою очередь, зависят от степени контроля ситуации. При высоком уровне контроля применение способа объективного прерывания ситуации (противоборство или увольнение), при низком уровне – субъективная переоценка ситуации (снижение должного значения). Отсюда следует, что состояние неудовлетворенности возникает вследствие рассогласования между должным и фактическим состоянием, а изменение этого состояния обусловлено выбором копинг-механизма, который, в свою очередь, зависит от степени восприятия контроля ситуации. Таким образом, динамика удовлетворенности трудом в рамках данного подхода отражает особенности человека [2].

Таким образом, удовлетворенность трудом определяется оценкой трудовой деятельности по мере удовлетворения переживаемых потребностей сотрудника, а оценка, в свою очередь, сопоставляет ожидания работника с его реальными возможностями достижения этих результатов. Как писали Геберт и Розенштиль «удовлетворенность работой целесообразно определять, как подведение итогов, ориентированное на прошлое, или как ожидание, ориентированное на будущее. При

этом в последнем случае, понятие удовлетворенности работой близко к конструкту «мотивации» [2, с. 105]. Удовлетворенность трудом будет формировать позитивное отношение к труду, которое благоприятно отразится на рабочей деятельности сотрудников и, следовательно, организации в целом.

Руководитель является ключевой фигурой, безусловно, как в организации труда, так и в создании социально-психологического климата в коллективе. От его поведения зависят характеристики труда и отношение к нему подчиненных. Направленность личности – это совокупность устойчивых мотивов, целей, желаний, потребностей, убеждений, интересов и т. д., направляющих человека на определенное поведение и деятельность. Направленность определяет отношение человека к миру, создает устойчивость личности.

В работе была выбрана классификация А. А. Ершова. Автор выделяет 4 вида ориентации руководителя [1, с. 417]:

1. Ориентация на интересы дела - характеризует уровень компетенции, способности к самостоятельному принятию решений, личную продуктивность;
2. Ориентация на психологический климат и взаимоотношения в коллективе - характеризует воспитательную гуманную направленность, умение делегировать полномочия, вовлекать членов коллектива в процесс принятия решений;
3. Ориентация на самого себя - характеризует стремление реализовать себя на руководящей работе, добиться личных целей, стремление к самостоятельности и независимости;
4. Ориентация на официальную субординацию – характеризует стремление соблюдать внешние проявления деятельности руководителя, казаться руководителем, соблюдать большую дистанцию с подчиненными, сохранять авторитет любой ценой.

В исследовании приняли участие 112 респондентов, проживающие в городе Санкт-Петербург. Из них 19 респондентов – руководители, имеющие в подчинении специалистов, 93 – специалисты. Среди опрошенных - 47 женщин и 46 мужчин. Возраст распределился в диапазоне от 19 до 66 лет, трудоустроенных на момент проведения исследования. Средний возраст выборки составил 41 год.

Описание результатов.

В ходе исследования был оценён уровень удовлетворенности трудом сотрудников, проанализирован их мотивационный профиль и мотивационный профиль сотрудников с точки зрения руководителя, затем проведен сравнительный анализ мотивационных профилей, а также установлена преобладающая направленность руководителей и проанализирована ее взаимосвязь с удовлетворенностью сотрудников.

При оценке возможностей реализации мотивов сотрудниками и руководителями с позиции своих работников были выявлены статистически значимые различия в оценках материального достатка, ощущения стабильности, карьерного роста, управления другими людьми, ощущения свободы и успеха. Руководители возможность реализации данных мотивов оценивали статистически выше. Мы получили статистически значимые связи уровня удовлетворенности трудом с оценкой возможности реализации мотивов сотрудниками. Кроме того, чем меньше расхождение между оценкой возможности реализации мотивов сотрудниками и руководителями, тем выше уровень удовлетворенности трудом.

При оценке уровня удовлетворенности было выявлено, что в выборке преобладают сотрудники со средним и высоким уровнем удовлетворенности.

Сотрудники наиболее удовлетворены по следующим показателям: физические условия работы, профессиональные компетенции руководителя, использование опыта и

способностей, требования работ к интеллекту, длительность рабочего дня. Наименее удовлетворены заработной платой как в соответствии с трудозатратами, так и в сравнении с тем, сколько за такую же работу платят на других предприятиях.

По результатам исследования направленности руководителей была выявлена преобладающая направленность – ориентация на интересы дела. Распределение руководителей по направленности следующее:

- Ориентация на интересы дела (42,1% руководителей)
- Ориентация на самого себя (26,3 % руководителей)
- Ориентация на официальную субординацию (21% руководителей)
- Ориентация на психологический климат и взаимоотношения в коллективе (10,5% руководителей)

Были выявлены отрицательные связи между направленностью руководителя на дело с уровнем удовлетворенности, в частности, удовлетворённостью слаженностью действий сотрудников и ориентацией руководителя на дело ($r = -0,33$), стилем руководства и профессиональной компетентностью руководителя ($r = -0,38$ и $-0,41$ соответственно). Мы можем предположить, что руководитель, направленный на дело прежде всего ориентирован на результат, человеческий ресурс является для него не столь значимым, мало внимания уделяется людям, их психологическому состоянию на работе, психологическому климату в коллективе, индивидуальным особенностям.

Положительные связи были получены между удовлетворенностью возможностями продвижения и ориентацией руководителя на самого себя ($r=0,43$, $p=0,01$) то есть чем больше руководитель ориентирован на себя, тем больше сотрудники удовлетворены возможностями продвижения. Возможно, это объясняется тем, что руководитель, ориентированный на себя, занят собой, своим карьерным ростом и, соответственно, у сотрудников имеется также возможность продвижения. Руководитель как бы задает пример для работников, направленный на себя, продвигает себя и сотрудников, которые позволяют ему реализоваться на руководящей должности.

Выводы. Гипотеза о связи направленности руководителя с уровнем удовлетворенности подтвердилась частично, при этом гипотеза о связи оценки возможности реализации мотивов с уровнем удовлетворенности подтвердилась полностью и позволяет сделать вывод о значимости мотивационной составляющей, в частности, возможности реализации значимых мотивов сотрудников в компании, в вопросах повышения уровня доверенности сотрудников.

Полученные нами данные могут быть востребованы при работе с руководителями для дальнейшего выстраивания линии консультирования руководителей по мотивации сотрудников, а также при разработке системы стимулирования персонала, в рамках проектов повышения эффективности организации.

1. Бендас Т. В. Гендерная психология: Учебное пособие. – СПб. : Питер, 2016. – 431 с.: ил. – (Серия «Учебное пособие»).
2. Дитер Геберт, Лутц фон Розеншиль. Организационная психология. Человек и организация. / Пер. с нем. – Х. : Изд-во Гуманитарный Центр / О. А. Шипилова. 2006, - 624 с.
3. Ильясов Ф.Н. Удовлетворенность трудом (анализ структуры, измерение, связь с производственным поведением). Под ред. В.Г. Андреевкова. Ашхабад: Ылым (Наука), 1988. — 100 с.
4. Китвель Т. О социально-психологических проблемах удовлетворенности трудом. Ин-т истории АН ЭССР. - Таллин : [АН ЭССР], 1974. - 134 с.
5. Родионова Е.А. Психологические факторы эффективности сотрудников современного предприятия. - Научно-технические ведомости СПбГПУ/ 2(124)2011 Гуманитарные и общественные науки.
6. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности. Учебник и практикум для академического бакалавриата. - М. : Издательство Юрайт, 2016. Серия : Бакалавр. Академический курс.
7. Шульц Д, Шульц С. Психология и работа - СПб.: Питер, 2003. 562 с

8. Robert McCrie, Motivational-Hygiene Factors, in Security Operations Management (Third Edition), 2016.
p. 145 -181Источник №1

РАЗДЕЛ VIII. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Brisov Y.V.

How the courts exorcise demons from legal body or a new standard for a bona fide purchaser in Russia

*Russian State University of Justice
(Russia, Moscow)*

doi 10.18411/scc-09-2018-23

idsp 000001:scc-09-2018-23

Dispute Background

The real property law is as old as the law itself. The transactions of real property are the most common types of deals all over the world. However, after the contract has been signed and the money have been paid it is not always clear if the title for the property have been transferred to a new owner or not. In such cases the issue of a bona fide purchaser usually arises before the court. We will see that sometimes these issues are far from ordinary, and still they took place and a considerable number of hours and legal effort to be solved. In this article we will address to nontrivial cases dedicated to unveiling the legal approaches to the bona fide purchaser of real property doctrine by Civil law and Common law judges.

We will also immerse in the history of the establishment and the development of the Roman law principle of Bona fides, it's transformations through time in a form of the standard of good faith and fair dealing on one hand and a strict principle of Caveat Emptor that is still applicable in the Common Law countries but very rarely addressed in Civil Law countries. We will father see how the doctrine of good faith was adopted by Russian Civil Law, the difficulties of the codification and application of a new doctrine after the era of strict law of the Soviet Union.

Diem clausit extremum

The first case we would like to discuss took place in Russia and has been solved by The Constitutional Court of Russian Federation. A bona fide purchaser acquired an apartment under a sale and purchase transaction. Subsequently, it was found that the transferors of the property had made a number of bad faith transactions to cover the fact that the apartment was an heirless property (it was not transmitted to an individual or a legal entity after the owner's death) and, consequently, was to be escheated by the Russian Federation according to Russian property law. The swindlers, made use of certain sluggishness of public establishment and declaration of rights to escheated property, made several masking transactions and sold the property with a "clear" title to a person who did not suspect a thing. Unfortunately, such shenanigans were not infrequent and each bona fide purchaser was exposed to the risk of vindication before The Constitutional Court of Russian Federation put an end to it just last summer and overruled Clause 1 of Article 302 of Russian Civil Code.

Indeed, Clause 1, Article 302 Civil Code of Russian Federation (hereinafter – GK RF) reads as follows:

If property was acquired for a consideration from a person who did not have the right to alienate it, of which the purchaser did not know and could not have known (a bona fide purchaser), the owner has the right to recover the property from the purchaser in the case where the property was lost by the owner or by a person. -

Such a standard for a bona fide purchaser worked in favor of swindlers and resulted in challenging a vast number of transactions with immovable property. The Supreme Commercial Court and the RF Supreme Court tried to clarify the issue.

Thus, Clause 38 of Ruling of the Plenum No. 10/22 establishes that the respondent may be recognized a bona fide purchaser of property if the transaction under which he acquired possession of a challenged property has the features of a valid transaction in all respects except that it was made by an unauthorized transferor.

However, such clarifications also contained some ambiguous wordings. For example: “[A bona fide purchaser] must have doubted the seller’s right to convey the property;” he could not be considered a bona fide purchaser. Unfortunately, nobody explained what the term “doubted” specifically meant. Russian lawyers who provided due diligence for property transactions joked that a bona fide “doubt about the seller’s right” to convey property meant: (1) to verify the three last transfers of title of property; (2) to enter the apartment or the house, to look into cupboards and closets; and (3) to have a chat with “babushkas” (elderly women in Russia) who usually sat on a bench at the entry.

Confusion was aggravated even more by the fact that a unified register of the rights to immovable property is maintained in the Russian Federation (USRП (the Unified State Register of Immovable Property) from 2017, formerly known as USRR (the Unified State Register of Rights). In addition, Ownership Certificates in a government-approved format were issued to immovable property owners until 2017, protected by watermarks and special symbols. As early as the beginning of 2017, it grew clear that the legislator’s intention was to put an end to schemes in the real property market by cancelling Ownership Certificates.

The reason for the reform was making the process of registration of rights to immovable property more transparent and declaring the principle of public register reliability in a special law 218-FZ and Article 8.1 of the GK RF.

Following the legislative trend, The Constitutional Court overruled an exception from the bona fide principle in form of delayed public interest, which, like a ghost remained behind the scenes to each transaction with the immovable property until the expiry of a prolonged limitation period. Otherwise, how could a bona fide purchaser rely on the registration system if the information provided by the Unified State Register of Immovable Property does not cover all the aspects of a title?

If only some aspects can be unveiled and some are tended to be hidden from any reasonable inspection or due diligence, how can a real estate market work properly? The discussed Ruling of The Russian Constitutional Court carved into the stone of Russian property law that the individual who is the ultimate purchaser of housing in a chain of transactions shall not be held liable for the state’s omissions and shall be protected as the owner if he has paid a reasonable price for the acquired apartment.

The Ghosts of Common Law legal system

In Common Law, the issues of the bona fide purchaser also arise quite frequently. The American Courts have to deal with their legal ghosts inherited from the historical development of the Common Law legal system. The Roman doctrine that governs the property purchase contracts in Common Law countries is called Caveat Emptor (let the buyer beware). Developed in England at the times of Magna Carta this principle means, that in most instances, the buyer must inspect and discover any conditions. Prima facie this approach does not strike as a completely different from what we have discussed above, analyzing the case of The Russian Constitutional Court. Nevertheless, there are some core differences.

The buyer can ask the seller for warranties as to general conditions or suspicions found after a reasonable inspection of the property. Shall the seller decide to give such warranties and lie he will be liable for damages, but if no warranties were provided, the mere silence of the seller does not give the buyer the right to rescind the contract. In Civil Law countries the implied requirement of good faith will generally leave the chance to rescind the contract by the duty of good faith and fair dealing. This principle is quite complicated, and sometimes it

may contradict with the buyer's fair expectation of profit, which the modern economy is built upon.

However, even a Common Law rule seeming so perfectly balanced through over the centuries may face the exception. In *Stambovsky v. Ackley* The plaintiff bought a house reported to be possessed by poltergeists. This information was evident to the defendant and members of his family. He even opens the house for tours, but the plaintiff was not from that village, he was a resident of New York City, he was neither familiar with the village nor with its legends and myths. Plaintiff enters into a contract to purchase the house with the good faith desire to live there with his family with no roommates however mistrial the may have been.

Before the closing Plaintiff discovered that the house was haunted and wants to rescind. The Court has to decide whether the buyer can rescind a land sale contract by failure to disclose a material condition. The Court concluded, "Common law is not moribund. Ex facto jus oritur (law arises out of facts). Where fairness and common-sense dictate that an exception should be created, the evolution of the law should not be stifled by rigid application of a legal maxim." The Court held that where a condition has been created by the seller materially impairs the value of the contract and is within the knowledge of the seller or unlikely to be discovered by a prudent purchaser exercising due care for "the subject transaction, nondisclosure constitutes a basis for rescission as a matter of equity."

Bona Fides Principle in historical development of Civil Law

A key issue discussed by the parties in the above cases is the approach established in practice to prove a bona fide purchaser. The aggrieved parties in both cases applied to the doctrine of good faith. Though the two courts came to the resembling conclusions, they had the different starting points. The American Court set another explanatory exception to the Caveat Emptor principle. The Russian Court had to deal with the complex set of principles, which composed the modern European understanding of a bona fide purchaser. The heated dispute has arisen among Russian scholars and practicing lawyers as to the issue of a standard of good faith.

The Russian Constitutional Court relies on its position on the practice of European courts, which may be reduced to an unambiguous position as follows: "the purchaser of housing shall not assume the risk related to defects that must be removed by the state itself." It was not in an instant that the civil law tradition came to the current understanding. The Roman Law allowed for the seizure of property from a bona fide purchaser by way of a vindicatory action. "The possibility of vindication as such and consistent implementation thereof gave rise to general uncertainty of civil law transactions since a purchaser never might be sure that he became the owner. The possibility always existed that a person would appear who would prove his ownership of the thing and take it away."

In the German common law, the principle of "Hand muss Hand wahren" existed with respect to transactions with movable property; that is, only the things that went away from the owner's hands against his will (stolen or lost) were to be seized and returned to the former owner. The things that were voluntarily entrusted to anybody and alienated thereby left the owner conclusively and any bona fide purchaser thereof became the immutable owner, whereas the former owner had the right to a claim for damages against those to whom the things were entrusted.

An actual protection of a bona fide purchaser began with the establishment of the bona fide principle in civil codes of European states. In Germany, bona fides could conveniently be blended with the indigenous notion of Treu und Glauben (literally: fidelity and faith): "a phrase which we find in a number of medieval sources and which was used, in the context of commercial relations, as a synonym for bona fides." Treu und Glauben also, of course, was ultimately destined to find its way into the famous § 242 of the German Civil Code of 1900: "Der Schuldner ist verpflichtet, die Leistung so zu bewirken, wie Treu und Glauben mit Rücksicht auf die Verkehrssitte es erfordern." This is not the only place where the BGB refers

to Treu und Glauben; for according to § 157 BGB ‘contracts shall be interpreted according to the requirements of good faith; ordinary usage being taken into consideration.

However, in addition to the bona fide principle as an objective principle in civil law, bona fide also exists as a certain “subjective standard” where a “Guter Glaube” (Bona Fide) purchaser is meant, similarly to a bona fide purchaser in common law. It is not a vague legal principle but a number of standard characteristics that Courts use to test a deal for an element of bona fide in it.

The Russian pre-revolutionary legal doctrine also knew the bona fide principle. Keeping pace with their foreign colleagues, Russian authors elaborated the subjective and objective Good Faith standards concerning civil law in the Tsar Empire. Unfortunately, theoretical works of Russian civil law scholars were to gather dust on shelves for a long period of time. In the Soviet Union, Russian law was dominated by strict law, *ius strictum*, which significantly impeded perception by contemporary Russian legal system the understanding of open rules, in particular, the bona fide principle, introduced by the legislator in the course of a large-scale civil law reform. Famous Russian scholar of the New wave law A.M. Shirvindt points out that “an attempt to put the courts at ease by way of the formal establishment of the bona fides (good faith) principle in the RF Civil Code is conceived in the absence of even a rough idea of the current state of affairs.”

Now we will witness some of the difficulties that the Russian judges had to face. One of the reasons was bared in the text of Russian Civil Code, and for the judges raised in a tradition of governing textualism, it was a severe challenge to work with the reformed Civil Code. The discussed above subjective standard of good faith is clarified by the legislator Russian Civil Code.

For example, in Clause 2, Article 174.1 of GK RF:

A transaction made in violation of the prohibition from disposition of the debtor’s property, imposed in a judicial proceeding or in any other way determined by law, shall not prevent from exercising the rights of such creditor or authorized person, secured by the prohibition, except for the cases where the purchaser of the property did not know and should not have known of the prohibition.

See also Clause 1, Article 901 of GK RF Grounds for the Bailee’s Liability:

The bailee shall be liable for loss or shortage of or damage to a thing received for bailment unless he proves that the loss, shortage or damage occurred as a result of force majeure or due to the qualities of the thing of which the bailee did not know and should not have known when receiving the thing into bailment, or as a result of intent or gross negligence of the bailor.

We can also see that subjective standard of good faith is put in different words in Clause 1, Article 302 of GK RF, “If a property was acquired for a consideration from a person who did not have the right to alienate it, of which the purchaser did not know and could not have known (a bona fide purchaser).” Here, we see a different wording, did not know and could not have known, but we should understand in the context that it is also meant did not know and should not have known. Despite almost identity of the grammatical structures, in the law application context the wording “could not have known” protects a bona fide party to legal relationships to a considerably lesser extent.

If we consider bona fide regarding probabilities (“could”), the boundary of which is not determined by law, bona fide loses its status of a subjective standard and may only be applied categorically like Treu und Glauben or Good faith and fair dealing vague legal doctrine. Such kind of application of bona fide in disputes is not only inconsistent with the established *ius strictum* understanding of the law but with common sense as well. The above issue of “could not” and “should not” was not discussed by the Constitutional Court in the

case we are referring to in the article. This issue shreds the light on the legal understanding of bona fides principal in general and on a status of the bona fide purchaser within the Russian judicial system.

Before the very recent developments, including those, that the Court made in the discussed case, there was a strong understanding among Russian juridical society - a mere physical possibility to determine the potentially lousy condition was enough to erase the bona fide purchaser protection in real estate deals. This approach laid a terrible burden of suspicion and ambivalence on the market of real property and prevented it from evolving naturally for quite an extended period.

Conclusion

Why have compared two cases that may seem to be quite different. The reason for the choice of case law was a “Who you gonna call” factor that in our opinion consolidate the cases, something unpredictable and unforeseeable that was discovered in both cases and brought two different courts operating by two different systems of law to the resembling conclusions. The Appellate Division Court of New York on June the 18th, 1991 set the important rule that generally applies to caveat emptor since then, “The notion that a haunting is a condition that can and should be ascertained upon reasonable inspection of the premises is a hobgoblin which should be exorcised from the body of legal precedent and laid quietly to rest.”

Moreover, The Constitutional Court of Russian Federation in June 22, 2017 - almost precisely in 16 years - which is also ironically mysterious enough, comes to the very same conclusion that a purchaser, who was not able to establish a certain condition during the reasonable inspection of property cannot be tied by this condition to any obligation. We find both decisions to be fair and just. No matter what historical or legal background or Legal System the Court belongs to it should curtail the bogus understanding of law and exorcise hobgoblins from the legal body because that law should provide the conditions for a lasting and effective turnover not to prevent them.

1. Alistarkhov V. Istrebvaniye zhilih pomesheniy ot dobrosovestnykh priobretateley. Noviy obzor sudebnoy praktiki [Vindication of immovable property. Overview of court decisions]// «Zhilishnoe Pravo». 2015. N1 pp. 77-81
2. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda N 16-P, Quoting Judgment of the European Court of Human Rights of Dec. 06, 2011 in the case of Gladysheva v. Russia (application No. 7097/10) and of Jan. 29, 2015 on the case Stolyarova v. Russia (application No. 15711/13)
3. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 22 iunia № 16-P 2017 g. [Ruling of the Russian Federation Constitutional Court of Jun. 22, 2017], Rossiiskaia Gazeta [ros. Gaz.] Jul. 4, 2017, No 7310, Item 144
4. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF №. 10, Plenuma VAS RF No. 22 ot 29 aprelya 2010 (red. ot 23 iunia 2015) [Ruling of the Plenum of the RF Supreme Court No. 10, the Plenum of the RF SCC No. 22 of Apr. 29, 2010 (in the version of Jun. 23. 2015)] “O nekotorykh voprosakh, vznikayushchikh v sudebnoy praktike pri razreshenii sporov, svyazannykh s zashchitoy prava sobstvennosti i drugikh veshchnykh prav” [On Certain Issues Arising in the Court Practice at Settlement of Disputes Related to Protection of Right of Ownership and Other Rights in Rem]
5. Stambovsky v. Ackley, 169 A.D.2d 254, 258 (N.Y. App. Div. 1st Dept. 1991)
6. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of Nov. 30, 1994, No. 51-FZ (in the version of Jul. 29, 2017) (as amended, effective from Aug. 06, 2017) <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ROS&n=220995&div=LAW&dst=101514%2C0&rnd=0.7927574271132031> (last visited Oct. 31, 2017)
7. Federal Law of July 13, 2015 No. 218-FZ (in the version of Jul.29, 2017) On State Registration of Immovable Property (as amended, effective from Aug. 11, 2017) Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>.
8. Bevzenko R. Dobrosovesniy priobretatel' kvartiry. Standart dobrosovesnosti. [Bona fied purchaser of an apartment. Standard of good faith] available at https://zakon.ru/blog/2014/10/13/dobrosovestnyj_priobretatel_kvartiry_standart_dobrosovestnosti (last visited Nov. 23, 2017)

9. Pokrovskiy I.A., Osnovnye problem grazhdanskogo prava [Main Problems of Civil Law], 3rd ed., stereotype, "Statut", 2001, 328 p.
10. Molot J.T. Columbia Law Review Vol. 106, No. 1 (Jan., 2006), pp. 1-69
11. Shirvindt A.M., Printsip dobrosovestnosti v GK RF i sravnitelnoye pravovedenie [Bona Fide Principle in the RF Civil Code and Comparative Law], Statut, M., 2014, pp. 203-242
12. Zimmermann R., Whittaker S., Good Faith in European Contract Law, Cambridge University Press, 2000, 756 p.
13. Ballentine's Law dictionary Copyright (c) 2010 LexisNexis®, a division of Reed Elsevier, plc.
14. history.com. (2015). Magna Carta - British History - HISTORY.com. [online] Available at: <http://www.history.com/topics/british-history/magna-carta> (last visited Nov. 03, 2017)

Пролетенкова С.Е.¹, Быков Б.А.²

Ведомственная оценка эффективности деятельности подразделений ОВД по противодействию коррупции и обеспечению экономической безопасности

¹*Всероссийский Научно-исследовательский институт МВД России»*

²*Академия права и управления МВД России*

doi 10.18411/scc-09-2018-24

idsp 000001:scc-09-2018-24

Аннотация

В статье рассмотрены положения Приказа МВД России № 1040, которые, не позволяя в настоящее время использовать систему оценки таким образом, чтобы она позволяла получить реальные измеримые результаты деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции, а также способствовала отходу от так называемой «палочной системы». Внесены конкретные предложения по оптимизации системы оценки.

Ключевые слова: противодействие коррупции, оценка эффективности, органы внутренних дел, экономическая безопасность, ЭБиПК, показатели.

Необходимо отметить, что текстуальная попытка объединить в рамках оценки результаты деятельности отдельных подразделений полиции представляется не слишком удачной. Фактически для каждой службы, в том числе ЭБиПК, критериев оценки слишком мало, что не позволяет отражать реальную картину деятельности. Например, исходя из перечисленных показателей, нет разницы в том, сколько эпизодов преступной деятельности в экономической сфере совершила организованная преступная группа или члены преступного сообщества, принимается во внимание только количество лиц, направленных в суд. При этом объем правоохранительной деятельности выполняемый сотрудниками подразделений ОЭБиПК существенно различается относительно количества «эпизодов». Для иных служб в Приказе предусмотрен только один (например, для экспертно-криминалистических подразделений) или несколько показателей. Определенным образом ситуацию исправляет наличие дополнительных методик оценки эффективности деятельности отдельных служб органов внутренних дел, утвержденных приказами имеющими гриф «для служебного пользования». Подобная детализация показателей предусмотрена и для подразделений ЭБиПК. Вместе с тем, наличие подобной двухфазной методики оценки с несовпадающими показателями порождает свои сложности. Если, как мы уже отмечали, по п.п. 1.4, 1.5 Приказа № 1040 учитывается «количество лиц», то в соответствии с конкретизированной методикой для подразделений ЭБиПК учитывается «количество выявленных преступлений», что порождает ситуацию, когда по одному приказу подразделение может показать высокий результат, а по другому нормативному акту – обратный. Количественные показатели выявленных преступлений, в свою очередь «вынуждают сотрудников больше уделять внимание не сложным схемам, а

наименее трудоемким в плане раскрытия преступлений, материалы по которым могут иметь реальную и краткосрочную перспективу возбуждения уголовного дела».

Отдельным моментом для критики, является на наш взгляд, использование методики подсчета статистической оценки с так называемым «нарастающим итогом». Представляется, что с учетом имеющейся в деятельности территориальных ОВД практики «подстраивания» отчетных статистических показателей под необходимый результат оценки, показатели нарастающего итога с каждым новым отчетным периодом все более подвержены отрыву от реального положения дел в деятельности оцениваемого подразделения. При этом выявление причин снижения эффективности деятельности все более затрудняется, а точность выводов снижается. Кроме того, отсроченным, но очевидным результатом применения подобной методики является то, что территориальные подразделения ЭБиПК начинают существовать с большой степенью изоляции друг от друга, ослабевает обратная связь подразделения с руководством (вышестоящим звеном системы подразделений ЭБиПК), которая реализуется в основном через формальные процедуры.

По нашему мнению, серьезным недостатком Приказа № 1040 является отсутствие показателей, связанных с оценкой профилактической деятельности подразделений ЭБиПК. Такие показатели как количество выявленных, предварительно расследованных преступлений, количество уголовных дел и лиц и т.д., имеющие коэффициент значимости 10 баллов, не ориентируют сотрудников на приоритетное применение профилактических мер, а наоборот способствуют тому, что оперативные сотрудники «позволяют», в ущерб профилактике и предупреждению, которые не оцениваются, довести выявленную на ранней стадии криминальную деятельность до стадии совершения преступления и только тогда его пресекают, заранее задумываясь о том, насколько сформирована необходимая доказательственная база.

Представляется, что подобное «подстраивание» под показатели, по которым производится оценка, провоцирует в целом низкую эффективность проводимых «дежурных» профилактических мероприятий, на которые вместе с тем, затрачивается значительный объем рабочего времени и бюджетного финансирования. Основной причиной не включения «профилактических показателей» в рассматриваемый Приказ является слабость ведомственного подхода к определению и содержанию профилактической деятельности подразделений ЭБиПК. Так действующими нормативными актами не сформулированы цели и задачи профилактической деятельности подразделений ЭБиПК, ее планирование, средства, методы, виды профилактической работы, структурные элементы профилактического мероприятия и т.д.

Представляется, что в целях недопущения ситуации связанной с заинтересованностью сотрудников подразделений ЭБиПК в переносе пресечения преступной деятельности на более позднюю стадию, в основу оценки их предупредительно-профилактической деятельности могли бы лечь показатели, выработанные в отношении следующих критериев:

- 1) являющиеся отражением административной практики;
- 2) проводимых профилактических мероприятий;
- 3) рассмотрения жалоб и обращений граждан;
- 4) отражающие результаты работы в отношении вынесенных представлений об устранении причин и условий совершения экономических преступлений и преступлений коррупционной направленности.
- 5) отражающие результаты взаимодействия с иными правоохранительными органами в сфере ЭБиПК.

При этом выработанные на основе предложенных критериев показатели должны быть увязаны не с динамикой раскрываемости, а с уровнем и качественным составом преступлений экономической направленности, признаками снижения объема теневой экономики, признаками оздоровления финансовой деятельности субъектов. Указанные выше условия должны быть прописаны в ведомственных нормативных актах

регламентирующих оценку эффективности деятельности подразделений ЭБиПК по аналогии с приложением № 6 к Приказу № 1040.

Обращает на себя внимание тот факт, что в Приказе № 1040 не содержится показателей связанных с экономическим обоснованием бюджетных затрат на правоохранительную деятельность оцениваемого подразделения ЭБиПК и размером возмещенного в результате такой деятельности ущерба. О необходимости введения подобного показателя исследователи рассматриваемого вопроса говорят довольно давно. Статистические показатели соотношения ущерба причиненного в результате преступлений экономической и коррупционной направленности позволяют сделать неутешительный вывод о том, что по самым позитивным просчетам, начиная с 2008 года, возмещается чуть более 1/3 причиненного ущерба.

Интересным и заслуживающим внимания как с точки зрения разработки методики просчета экономической эффективности, так и с точки зрения формулирования соответствующих показателей в ведомственных нормативных актах является диссертационное исследование (по экономической специальности) Р.С. Мацкевича, а также иные научные работы автора в рассматриваемой сфере. В частности, автор предлагает перспективные варианты повышения эффективности деятельности подразделений ЭБиПК в отношении возмещения ущерба от преступлений экономической и коррупционной направленности в размере позволяющем оценивать их правоохранительную деятельность на данном направлении как эффективную и целесообразную за счет интеллектуализации деятельности ОВД без увеличения их штатной численности. Не углубляясь в экономические рассуждения, отметим, что указанным автором, и некоторыми другими исследователями интересующего нас проблемного поля, предлагаются конкретные математические модели расчета эффективности деятельности ОВД в целом, и подразделений ЭБиПК, в частности. Они, на наш взгляд, вполне подходят для решения обозначенных задач.

Вместе с тем, необходимо отдавать себе отчет в том, что введение предлагаемых критериев оценки экономической целесообразности подразделений ЭБиПК не может быть произведено одномоментно, только лишь путем внесения изменений в ведомственную нормативную базу. Более того, поспешная реализация изложенной идеи была бы вредна, провоцируя фальсифицирование правоохранительных результатов (поскольку по многочисленным исследованиям экономическая эффективность подразделений ЭБиПК вряд ли в настоящее время превышает (7–10 %), а также с имиджевой точки зрения. В связи с этим, на первых этапах введения указанных показателей следует предусмотреть занижение пороговых значений или их коэффициентов значимости с возможностью их поэтапной корреляции. Также целесообразно было бы проведение научного эксперимента на базе отдельных регионов включающего исследование в области проведения оценок реальных масштабов ущерба причиненного преступлениями экономической и коррупционной направленности, затрат на проведение правоохранительных мероприятий и содержание правоохранительных органов, а также доли ущерба возмещенного в результате деятельности подразделений ЭБиПК.

Помимо обозначенных проблем нормативного правового регулирования ведомственной оценки эффективности деятельности подразделений ЭБиПК, имеющих принципиальное значение, некоторые сомнения возникают в отношении отдельных текстуальных моментов Приказа № 1040. Так, например, п. 1.8 вызывает вопрос, почему отмененные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела с последующим возбуждением учитываются в общей массе, а не «при первой проверке прокурором». Следует признать, что в различных территориальных органах разная практика возбуждения уголовных дел, например, в отношении дел по которым требуется проведение ряда экспертиз. Кроме того, на практике по спорным делам прокуратурой может осуществляться несколько проверок на разных этапах выявления обстоятельств дела. Помимо этого, следует признать, что органы прокуратуры проводят собственную оценку эффективности деятельности, что нередко «требует»

повышения собственных показателей работы, в том числе в отношении отмены «отказных материалов» ОВД. В частности на эту проблему указывают специалисты Общественного совета при МВД России: «Также прокуратура выявляет их (необоснованный отказ в возбуждении УД, необоснованное списание в номенклатурное дело ОВД - прим. автора), когда ей необходимо улучшить показатели по «выявлению нарушений учетно-регистрационной дисциплины», и тогда могут быть отменены решения по «сомнительным» материалам, где возможно есть, а возможно и нет состава преступления».

В отношении п. 4.1 более логичным было бы, на наш взгляд, оценивать число разысканных и неустановленных лиц не в расчете на 100 единиц штатной численности подразделения, а по удельному весу находящихся в розыске, или путем процентного сопоставления с числом разысканных. Общее недоумение вызывает момент, касающийся введения коэффициентов значимости показателей. Совершенно очевидно, что на достижение успехов по показателям, имеющим коэффициент «10», то есть максимальной значимости, будет сосредоточено гораздо больше усилий, чем на остальных. При этом отдельные линии работы, как например профилактика, о которой уже говорилось, необоснованно будет отброшена на второй план. Абстрагируясь от деятельности подразделений ЭБиПК, приведем наглядный пример, а именно сравнение п. 10.1 (количество допущенных краж с охраняемых объектов – коэффициент значимости 4) и п. 11.1 (число погибших или лиц, которым причинен вред здоровью, из числа находящихся под защитой лиц - коэффициент значимости 1). По ним, например, наркоман, укравший телевизор с охраняемой дачи, совершает более тяжкое преступление, чем киллер, ликвидировавший ключевого свидетеля по делу о коррупции. П 4.1, имеющий коэффициент значимости 5, довольно странно выглядит в отношении оценки подразделений уголовного розыска, где, соответственно розыск, является ключевой задачей. Возможно, в целях исключения обозначенных нелогичных моментов в рамках общего Приказа № 1040 следовало бы отказаться от введения каких-либо коэффициентов значимости, поскольку в нем и так сосредоточены наиболее значимые направления деятельности полиции. Возможно, указанные коэффициенты были бы более уместны в методиках, предусмотренных для оценки деятельности отдельных служб полиции.

1. Гапоненко В.Ф., Палишкина О.В. Вопросы оценки экономического ущерба от криминальных процессов в налоговой сфере и эффективности деятельности органов внутренних дел по обеспечению экономической безопасности // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014, № 5. С. 157.
2. Новиченко В.В. Ущерб от незаконного предпринимательства // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1.
3. Мацкевич Р.С. Интеллектуализация деятельности органов внутренних дел в механизме обеспечения экономической безопасности России. Дисс... канд. экономич. наук. М., 2013.
4. Мацкевич Р.С. Влияние интеллектуализации деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на повышение эффективности обеспечения ими экономической безопасности страны // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013, № 4. С. 158–161.
5. Грачев А.В. Альтернативный подход к оценке эффективности деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции // Актуальные вопросы организации и правового регулирования деятельности оперативных подразделений МВД России (посвящается памяти профессора Д.В. Ривмана) / Материалы региональной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 18 ноября 2016 г.). С-ПбуМВД России. 2016.
6. Кудрин А.Л., Алексеева Л.М. Открытость информации о деятельности органов внутренних дел // Доклад членов Общественного совета при МВД России. М., 2015. <https://komitetgi.ru/analytics/2621/> Дата обращения: 18.01.2018. С. 33.

РАЗДЕЛ IX. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Oidov K.

Brief historical background of Mongolian democracy

*Department of Political Sciences and Legal Studies,
Institute of Philosophy from Mongolian Academy of Sciences*

doi 10.18411/scc-09-2018-25

idsp 000001:scc-09-2018-25

Abstract

The article considers that historical background and perspectives of the socialist society to democratic regime. the purpose of this article is to stimulate inquiry into important questions about how to facilitate and consolidate transitions from communism to market-oriented democratic regime in Mongolia, and how Mongolians are honored to be able to present the views of so many distinguished factors in national commitment to promote the study, understanding, and practice of democracy and democratic values in the prerequisite conditions in the Mongolian democracy.

Keywords: democracy, socialism, post-communist, historical background, perspectives, transition.

Democracy is gathering momentum. Nowhere has its impact been more striking than in the triumph of freedom over communism in the Soviet bloc. We guess now many more democratic events were to transpire by the date of its competition. From their different perspectives as historians, sociologists, political scientist, scholars and economists, the contributions to the newly society of transitions to the democracy in Eastern Europe and Soviet bloc, such aborted movement toward freedom and voice of speech in the “closed society” under the soviet bloc countries [11, 1].

On the other hand, one of the crucial point of agreement from that mentioned perspectives is that communism as an alternative social order has failed miserably and is discredited, even though a few faltering strongholds remain. Different views are offered about why the collapse of Leninism was not anticipated by scholars, which historical foundations and social institutions are necessary for the success of transitions to democracy and market-oriented economies, and how to assess the strength of civil society in these emerging democracies [11, 2; 3].

Additionally, until just before the decade of the 1980s, however the failings of Marxism-Leninism and the superiority of democracy and the market system were not always that obvious. Whatever our recurring questions, they were suddenly answered by what can only be called the near simultaneous volcanic eruption in what had been assumed to be essentially quiescent Marxist-Leninist world. To understand the reasons for the unraveling of the Communist world, it is necessary to retrace the evolution of the Communist movement. In many event, the dictatorship of the proletariat or rather the communist parties in the bloc countries with its intellectuals, seemed to be the perfect vehicle for mobilizing capital and labor and overseeing the transformation of a backward agrarian and agricultural country into a modern industrialized society.

Such an approach however proved to be very costly. Thus, since in communist countries the capitalists were removed, the Communist parties had to implement industrialization. Because these countries lacked facilitating economic and political institutions such as a middle class with independent incomes, guilds and institutional constraints on unlimited power, though, their ‘transformations’ were accompanied by social,

structural and political regimentation and inherent abuses which hindered their economic as well as political modernization [11, 11].

Because, in the middle of 1980s, the USSR, which led the global socialist system, recognized a crisis of the system and Soviet leader Mikhail Gorbachev announced the ‘perestroika’ reforms. This attempt to save the system failed, because communist ideology contracted the fundamental interests of human beings and did not accept principle of human rights, freedom and private property [2, 11]. In 1985, the Soviet Union also began to break out Stalin’s swaddling clothes, but unlike China, its break was in the political rather than the economic sphere [1, 10]. The challenge began with the appointee of Mikhail Gorbachev [12, 316; 317] as a General Secretary in March 1985, but once underway, the movement spread relatively quickly to Eastern Europe. By 1991, virtually every country of Eastern Europe, as well as several of the republics in the Soviet Union, had swept their Communist parties and governments from power. Even before that time, movements for change and public uprising had occurred in several socialist countries since 1950s but were suppressed each time by USSR’s military intervention. By 1989, peaceful movements against the system succeeded in Poland, Czechoslovakia, East Germany and Bulgaria whereas the communist regime in Romania fell in the course of bloody confrontation [2, 11].

Whereas, the historical process of Mongolian democratic movements has encouraged by Soviet ‘perestroika’, representatives of younger generation formed underground political groups, such as “The New Generation” and “The Globe” and began to criticize the existing communist system, that initiated by 1988-1989. But the ‘perestroika’ has shown that restructuring reflects on people thinking, social cognition, and the transformation that could not be make the whole community movement in the forward [2, 246].

The book such namely as “How democracy grew in Mongolia: first ten years” wrote by Amarsanaa Sukhbaataryn (one of the founders of the Mongolian Democratic Union) that emphasized: “their first political action was performed in the early 1989, and that they reach out to the public was to place advocacy leaflets on the streets of Ulaanbaatar demanding democracy, pluralism of opinion and human rights. In February 1989, the ruling communist party responded by printing the translation of the Universal Declaration of Human Rights in its newspaper ‘Unen’ (The Truth) for the first time. Also youth attempted to demands of change and reform were openly expressed and soon spread throughout the country sparking demonstrations of students and young workers in the provincial capital of Hovd on December 7, and in the large cooper mine city Erdenet on December 10” [1, 11]. In that case, the author of this book compiled a brief review of most important events that unfolded during the first ten years Mongolia’s transition to democracy. As years pass by the makers and eyewitnesses of this great endeavor will hand over their legacy to the new generation of leaders and their followers who may not know much about what exactly happened in Mongolia quarter of century ago.

Thus, the purpose of this article is to stimulate inquiry into important questions about how to facilitate and consolidate transitions from communism to market-oriented democratic regime in Mongolia, and how Mongolians are honored to be able to present the views of so many distinguished factors in national commitment to promote the study, understanding, and practice of democracy and democratic values in the prerequisite conditions in the Mongolian democracy.

As one communist country after another in Asia suddenly reconsidered Marxism-Leninism’s superiority and, ultimately, its failings, the nations in the Soviet bloc were caught by surprise. Mongolia made a transition to democracy in 1990s. Almost two decades have already passed since the outbreak of Democratic Revolution in 1990. However, trust in democratic consolidation has been seriously damaged among Mongolian citizens since that time [10, 11].

A democracy has been growing in the present society in Mongolia that is about becoming as a social phenomenon, and continuity of our past history such characterized by

national identity and unique features. Mongolians, we are the people with rich traditions of the state-ship. Tribalism has created by humanity was organized and coordinated by the brotherhood, relatives and the inhabitants of the homeland, and thus became a state-ship under the auspices of the forces of weakness and extraterrestrials. A Mongolian has rationally and peace-loving attitudes towards any circumstances, and their stance to the state-ship approached to the values of solidarity and morality. Thinking of the state-ship of Mongolians is originated from the source of the nomadic thinking, ideology, co-existence and customs. For instance, the concept of the world of Mongols is dedicated to an essential part of the traditional concept of statehood [4, 127] with related to spatial concepts through the worship of their forefathers, the homeland, the mountains, the grasslands, and the ancestors.

Since 1990, people's perceptions of political activism, democracy, human rights, freedom and justice have begun to become slanting behaviors in some form of social psychology and consciousness, in accordance with considered as influenced by some way of political cultural changes and reform. The aspiration to approaching to problems with a pluralistic position in regards that purpose to creating a fair competition for politics. In accordance with a newly establishment process of new state facilities, political parties, party systems, civil society organizations and the mass media has contribution to the development of formation in the social political culture. The role of political culture has influenced on the citizens' political position, orientation, values, availability and attitudes in appropriately clarifying as.

The Mongolian democratic revolution of 1990, colloquially referred to as the Democratic Revolution of the 'Year of the White Horse' saw Mongolia join into a group of countries that nearly simultaneously pursued a democratic development path. Since its democratic transition in 1990s, Mongolia has undergone number of reforms such as political, economic and social reforms, which were relatively silent and stable reforms that formed a good sample of democratic development. This success was one of the most powerful evidence that not every developing country in Asia should implement the reform both in political and social fields as it was realized in many other countries. However, being a democratic country is not only based on the adoption of democratic views and principles. Even in our society, freedom and democratic principles are the most important value to be proud of; it is still required to improve the implementation mechanisms and methods for promoting democratic culture nationwide. Over the last 28 years, Mongolians have engaged in a complex and difficult twin transition, where radical political and economic reforms were implemented instantaneously. It was not easily path, but in the world, was able to reach the level of middle-income countries and secure for its people universal principles of freedom and human rights [1,11].

While Mongolia is in its democratic development phases, a new generation of youth that has no decent knowledge or experiences about previous society has now grown up and reached at the age of elections. They constitute 40 percent of total population of Mongolia. Due to population window phase, the roles and responsibilities of youth in current society tend to be more increased.

In last three decades, information technologies tend to have a more impact on daily life, socialization process and social participation of youth than traditional social factors. Accordingly, nature of characteristics of issues and challenges faced by youth are also different and changed. In order to promote the development of democratic society in Mongolia, it has a paramount importance to study and explore current state of youth understanding, concept and tendency toward democracy and political participation.

Mongolians, talked about democracy in the twentieth century, writes on, and have been studying. However, at first, accorded to the Marxist theory on "proletarian or socialist democracy", and then determined approximately notion of "liberal or liberal democracy" not then Marxist theory of the doctrine. The socialist democracy dilemma has interrupted in the 1990s, an attempt to implementing a liberal democracy has been ongoing crisis in the recent

years, even supposing to implementation has slowed down, and some have been observed in a recession. The current political hygiene owns to fault at least, as it's injured that the defective political culture in such a political culture that created breeding side wrong turn, might affect mutual aggressive damage is being created a closed circle.

The idea of democracy in Mongolia, “received” the concept, we are using a very relative sense here, that things, and in general, we have been thinking that understood the content. The statehood of Mongolian history has own democratic traditions. It might be a national cornerstone of democracy development. Democracy, itself requires more unique individual in the system that is not a mechanical sum of belongings. In this sense, that smoothly implementation of its advantages of democracy and common values of the quality ascertain number of positive patterns to be observed. In particular, democracy is being more enriched the lives of citizens and their political freedom and economic needs, off-duty and learning, also such as the practice of democracy. By means that political freedom is a part of human freedom and that exercise of civil and political rights as the person who lived in the society, which must be an integral part of the good life.

In other hand, democratic doctrine and viewpoints are enriched to the foreign policy of Mongolia. The democratic changes and reform process involving to the all sectors of society in Mongolia that started in the late 1980s and early 1990s regards to shift a huge turnaround in our foreign policy and foreign relations resulted as. Since that time, our view on foreign policy refused to the one-oriented ideology, in regarding to accepted an international legal norms and principles such as followed by a peaceful, open, and not joining to the coalition and independent multilateral foreign policy in rapidly expanding with external relations more actively bilateral cooperation that ever developed as [13, 302].

That political and social involvement for human life and well-being of all its own that's worth is important situated. The instrumental importance of democracy is existed on politically voice expressed that should be noticed others notifications in requiring to expression of the views for the people. Along with detailed studies on democracy, that requited to study on the practice of democracy, while a person who are the opportunity to learn from one another, and social values and priorities is construction of helps. Logically, democracy is naturally worth that lives of citizens and political decisions such is the instrumental importance and required to constructive spiritual importance as well.

Similarities of the research findings in the internationally, the majority of Mongolians are considered that democracy is the ideal as an effective democratic political system. In accordance with Asia Barometer Survey was hold in 2003 and 2006 in Mongolia, 91-94% of the population is still observed that for democracy. Though, 61.2 percent of the respondents have agreed that democracy is well fixed form in our country, 63.4 percent is consistently agreed to that democracy is existed, and 58.2 percent accorded that is a slight problem in this country, which is viewed that democracy is being developed in Mongolia. Additionally, how that current economic system is democratic that has shown by scales for 10 scores, in order to measure that magnitude scale used to 6.6 percent (in 2003), and 6.7 percent (in 2006) was pointed out [6, 65]. As the people are receiving the democracy as substantive and an ideal that is displayed only one aspect of this problem.

And so, fourth round survey on democratic governance assessment such titled on “Mongolia’s democracy assessment and democracy development and its consolidation process” (2013), in order to research has carried out in the public perception survey, expert assessment was made. In accordance with this survey issued to the previous three survey findings has attempted to compare assessments of public perception of the key indicators of democracy development, the concept of democracy and democratic impact of the citizens in the life of Mongols. Accordingly with repetitive surveys, that perception is considerable variation in the development of democracy. In particular, 52.9 percent of respondents assessed “average” that development of democracy in 2005, in 2008, that would be assessed by 54.7 percent such increased by +1.8 points, in regarding to circumstantial cases of the

political process, and its electoral unrest reasons of the social results that might be disorders in the society. Though, research conducted in 2010, that assessed by 54.3 percent or +1.4 points compared to 2005, in 2008 that is -0.4 lower than some of the political parties' election pledges, that may be due to the lack of implementation and enforcement of legislation [7, 130; 138].

Hereof, democracy was born from its life, or social relations among people of developing, or have limited wide multitude of phenomena, and in fact, that is a collective actions, and the work of someone else, which can't be owned by someone or any political force that is also not merchandise [9, 250; 252]. The people are its author. Anyone does not take away the rights of its author. The political force is the only servant to the people that supports to the development of democracy as a slave. They have rights such is replaced that servant of them. Even killing our disposal, but they are needed [3, 15]. The electoral mechanism is performed in the democratic society. The electoral and representative democracy has been established in Mongolia at the beginning of the twentieth century [10, 18].

Finally, realities of the implications of democratic processing in the government of Mongolia, has been reflected in the following factors of traditional and transitional circumstances practically required as. For instance, the basic traditional factors in reflecting Mongolia's specificities are required that small population, small-scale economy, dependence on external factors, low level of development; pastoral cattle-breeding, nomadic lifestyle; gap between urban and rural areas, migration from rural to urban areas; state paternalism; nomadic mentality; non-formal factors in social relationships.

The transitional factors in reflecting Mongolia's specificities are demanded on Simultaneous political and economic transition; semi-presidential political system; inertia of Marxist views of politics; general and superficial nature of understanding democracy and democratic values; dramatic economic downfall; social polarization; and unemployment, poverty, corruption and other negative factors and reverse gender balance [10, 20; 26]. Mongolia is a part of the countries which newly established democracy in the democratic development and governance sustainability. In accordance with national statement to the Constitution, the Mongolian people have the right to participate directly in political decisions. This right is implemented through election of state institutions. In addition, the particulars of democracy in Mongolia have naturally valuable in the people's living, and that also significance of instrumentally and constructively consequences in the political decision making process.

Decision making process on law and policy-making is semi-open and consultations with citizens and the public are not conducted properly. Despite the many unique features that characterise Mongolia, the follow-up activities reflect a common set of challenges faced by many new democracies, as well as many mature democracies, suggesting Mongolia joins other democracies in the world in struggling to develop long-lasting democratic institutions and to inculcate deeply felt democratic values. Additionally, the general sense of cooperation at the domestic level, the follow-up activities were carried out in a spirit of international cooperation, and in many ways set a milestone in the idea of supporting democracy worldwide. On the other hand, in order to increase the political participation of citizens, elected officials and politicians should not only rely on their ultimate power of decision making, but also discussion and consultation with citizens should be carried out prior to final decision.

1. Amarsanaa S. How democracy grew in Mongolia: first ten years (1990-2000). Zorig Foundation. International Republican Institute. Admon Print LLC. [in English]. UB.: - 2016. – P. 11.
2. Boldbaatar J. Historical studies on 'Perestroika' in Mongolia: History in Politics (early 1980s to 1992). Ed. Dash-Yondon B. Institute of History and Archeology, MAS. [in Mongolian]. // Soyombo printing LLC. UB.: - 2017. – P. 246. ISBN: 978-99978-2-011-2

3. Diane Ravitch. What is democracy?. USAID Mongolia. [in Mongolian]. UB.: - 1991. –P. 15.
4. Dovchin Yo. Political studies. Admon print LLC. Ed. Sodnom Sh. [in Mongolian]. Ekimto printing Co., Ltd. UB.: - 2002. –P. 127. 978-99929-51-650.
5. From Leninism to Freedom: The challenges of Democratization. Edit. Margaret L. Nugent. [in English]. Westview Press. Boulder, San-Francisco, Oxford.: - 1992. –P. 1-11. ISBN: 0-8133-8524-5.
6. Ganbat D. Democratization process and values of Mongolians. Proceedings of National Consultative Meeting on Achieving MDGs on Human Rights and Democratic Governance. Sansudai printing Co., Ltd. [in Mongolian]. UB.: - 2008. – P. 65. ISBN: 978-9929-871-8-9.
7. IP, MAS. Process of the Sustainable Development in the Neighboring Countries: Culture, Society and Education. 13th International Scientific Conference Proceedings. [in Mongolian]. Soyombo printing LLC. UB.: - 2017. – P. 130-138. ISBN: 978-99978-844-5-9
8. IPSL, MAS. Democratic consolidation in Mongolia. Joint book. Edit. Chuluunbaatar G. [in Mongolian]. Printing department of the Institute of Legal Studies. UB.: - 2011. – P. 11. ISBN: 978-9996-25712-6.
9. IPSL, MAS. Transformation of Mongolian Society. Joint book. Ed. Dash-Yondon B., [in Mongolian]. Bembi-san printing Co., Ltd. UB.: - 2011. – P. 250-252. ISBN-978-99929-871-7-0.
10. Khatanbold O. Understanding and researching on democracy: Case of Mongolia. Soyombo printing LLC. [in Mongolian]. UB.: - 2017. – P. 20-26. ISBN: 978-99978-0-508-9.
11. Marshall and Merle Goldman. To Leninism and back. From Leninism to Freedom: The challenges of Democratization. Edited by Margaret L. Nugent. [in English]. Westview Press. Boulder, San-Francisco, Oxford.: - 1992. – P. 10. ISBN: 0-8133-8524-5.
12. Michail Gorbachev. Alles zu Seiner Zeit. Trans. Baatar Ch. Hoffmann und Campe Verlag, [in Mongolian]. UB.: - 2013. – P. 316-317. ISBN: 978-9997-310-699.
13. Battulga D., Bud B., Nyamaa B. MFA. Ministry of Foreign Affairs of Mongolia 1911-2011. [in Mongolian]. UB.: - 2011. – P. 302. ISBN: 978-99929-61-88-0.

РАЗДЕЛ X. ГЕОГРАФИЯ

Липина Л.Н.¹, Усиков В.И.¹, Королев К.А.²

Дистанционный мониторинг процессов антропогенного воздействия на земельные ресурсы в районе строительства полигона твердых коммунальных отходов (на примере Николаевского района, Хабаровского края)

¹Институт горного дела ДВО РАН

²ТОГУ

(Россия, Хабаровск)

doi 10.18411/scc-09-2018-26

idsp 000001:scc-09-2018-26

Введение

Целью мониторинга является наблюдение за состоянием окружающей среды (ОС) и уровнем её загрязнения, а также оценка и прогноз антропогенного воздействия на биоту экосистемы и основных факторов антропогенного воздействия на окружающую среду. Результаты мониторинга как системы наблюдения, оценки и прогнозирования состояния основных компонентов природной среды необходимы для осуществления планирования и застройки, а также для проведения государственного надзора за состоянием земель и др.

В настоящее время в России сформирована система мониторинга окружающей среды, научные основы которой были заложены и развиты в научных трудах ведущих ученых – М.Е. Берлянда, В. С. Тикунова, Г.В. Калабина, Б.И. Кочурова, Саксина Б.Г. и др. Вместе с тем, действующая система мониторинга не достаточно конкретизирована для локального уровня, особенно применительно к задачам, связанным с выявлением антропогенного изменения состояния природных и природно-техногенных систем. Мониторинг таких территорий проводится не в полном объеме, методически и процессуально разделен ведомственными и территориальными барьерами и не всегда дает верное представление об общем характере негативного воздействия на окружающую среду. Не менее важно своевременно оценить и последствия антропогенного воздействия на биоту. С разработкой геоинформационных технологий геоэкология приобрела новые мощные средства для выполнения мониторинговых исследований, которые обладают экспрессностью, экономичностью и высокой разрешающей способностью для оценки и прогноза состояния ОС.

Цель работы – выявить и оценить антропогенное влияние при строительстве полигона твердых коммунальных отходов на территории Николаевского района Хабаровского края с помощью дистанционного мониторинга. Поэтому необходимо решить следующие задачи:

- провести анализ теоретических, организационно-практических и методических аспектов экологического мониторинга территории с применением информационных технологий;
- дать оценку процессов антропогенного воздействия на окружающую среду (ОС) при строительстве полигона ТКО в Николаевском районе Хабаровского края.

В последнее время всё большее число исследователей [1-4] поручают современным информационным технологиям (ИТ) процессу сбора, хранения и обработки информации. Применение ИТ даёт возможность связать разнородную информацию, а также данные дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ).

Объектом наших мониторинговых исследований является территория в районе с. Чля, Николаевского района Хабаровского края, на которой планируется

строительство полигона твердых коммунальных отходов (ТКО). Информационную базу исследования составили разновременные спутниковые снимки и другие геопространственные данные, находящиеся в свободном доступе: топографические карты, картосхемы и др. материалы.

Район исследования находится на расстоянии 80 км от районного центра г. Николаевска-на-Амуре.

Район в орографическом отношении представляет собой мелкосопочник. Гидрография – многочисленными ручьями. Лес смешанный густой, преобладают хвойные породы деревьев. В основном ель, пихта, лиственница, на сопках заросли кедрового стланика.

Проблемы, объект и методы исследования

Территория Николаевского района испытывает интенсивное воздействие от различных источников загрязнения. Эта проблема тянет за собой целый шлейф сопутствующих проблем: загрязнение атмосферного воздуха; почвы и грунтовых вод; эпидемиологическая опасность. Причем, динамика образования отходов в последнее время увеличивается. Рост отходов объясняется тем, что в регионе идет интенсивное развитие горной промышленности, за счет введения в эксплуатацию новых месторождений и как следствие привлечение работников из других регионов для работы вахтовым методом, рост качества жизни населения. Перечисленные факторы напрямую связаны с увеличением количества образующихся отходов.

Для улучшения экологической обстановки, по результатам оценки существующего положения в Николаевском районе в системе обращения с отходами, возникла необходимость строительство новых полигонов ТКО. Другой не менее важной проблемой в регионе это – нарушение законодательства, в части использования лесов, особенно следует обратить внимание при строительстве важных объектов. Использование данных ДЗЗ позволяет и является практически безальтернативной возможностью получения объективной информации о состоянии лесов [5]. Дистанционный мониторинг рассматривается контролирующими организациями, как один из перспективных источников информации, которая должна стать основанием для проведения проверок законности выявленных нарушений и позволит более качественно реализовывать меры по контролю в области охраны ОС.

На основе материалов дистанционного зондирования, были получены космоснимки, которые дают комплексную характеристику местности. Методика дистанционного зондирования Земли, позволяет регулярно наблюдать за территориями с помощью высокоточной аппаратуры различного пространственного и спектрального разрешения [6,7]. Для выполнения работы наиболее подходящими оказались спутники Landsat (NASA USA), которые имеют: оптимальное соотношение параметров пространственное разрешение – охват территории – размер файла; регистрация достаточно широкого диапазона электромагнитного спектра; регулярность наблюдения территории; свободный доступ и удобный интерфейс загрузки архивов. Краткие сведения о спектральных диапазонах и разрешении спутниковой аппаратуры Landsat 8 приведены в [7]. Используя свободную кроссплатформенную геоинформационную систему QGIS [8], которая дает возможность получать различные варианты визуализации космических снимков, как в натуральной (привычной для восприятия), так и ложной цветопередаче.

На полученных индексных изображениях более ярко и контрастно выделяются искомые объекты по сравнению с исходным снимком. Одним из основных методических приемов было использование вегетационного индекса NDVI, который характеризуют состояние растительности [9]. NDVI это – нормализованный относительный индекс растительности – простой количественный показатель количества фотосинтетически активной биомассы. Величина индекса может колебаться

от минус 1,0 до плюс 1,0, величина индекса растительности принимает положительные значения и обычно колеблется от 0,3 до 0,7 [10].

Результаты исследования

Строительство ТКО в районе п.Чля Николаевского района вне населенного пункта планируется на площадях относящихся к категории земель промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земли для обеспечения космической деятельности земли обороны, безопасности и земли иного специального назначения. Согласно землеотвода площадь для строительства полигона ТКО составляет 0,050 км², что подтверждается информацией с публичной кадастровой карты, как учтенного земельного участка с кадастровым номером 27:1060010107:720 (рис. 1).

Сопоставляя данные полученные по многозональным спутниковым снимкам Landsat 2013 г., 2016 г., синтезированных в цвете по спектральным полосам (2-3-4), удалось определить площади фактически занимаемые для строительной площадки полигона твердых коммунальных отходов, которые были проанализированы с помощью программы QGIS. Были измерены площади в районе, предназначенном под строительство полигона ТКО, которые составили: в 2013 году – 0,020 км², в 2016 году – 0,057 км² (рис. 2). Выявлено, что в результате строительная площадка для полигона ТКО занимает на 0,007 км² больше, чем планировалось (землеотвод 0,050 км²), а из оборота исключаются продуктивные земли лесного фонда (Колчанского участкового лесничества Николаевского лесничества Хабаровского края).

Для более яркого и контрастного изображения, вычислялся индекс NDVI и строилось изображение в соответствии с дискретной шкалой (рис. 3). По полученной карте NDVI оценивалось состояние растительного покрова на исследуемой территории.

Более высокая величина индекса (на рассматриваемой территории) связана с более высоким уровнем здорового растительного покрова. Низкие значения порядка 0,3-0,4 за пределами строительной площадки по всему периметру полигона, свидетельствуют об угнетенной растительности в связи с нарушением строительного регламента.

Использование космических снимков в данном случае позволяет добиться полного единовременного охвата территории, а дистанционные методы дают возможность провести экологическую оценку не только в пределах отдельных пунктов наблюдений, но и на любом выбранном участке, независимо от его удаленности и транспортной доступности.

С использованием данных космической съёмки (рис.3,4) выполнена оценка ущерба от незаконной рубки, и приведения ценных пород деревьев в угнетенное состояние, которая произведена согласно утвержденной методике «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» [11].

За основу расчета ориентировочного ущерба принята таксационная характеристика, согласно таксационному описанию, незаконно вырубленного древостоя: 7Л 2Бб 1Ос, запас выдела 170 куб. м. Стоимость законно вырубленной древесины утверждена Постановлением Правительства РФ [12] составляет:

- по лиственнице: 98,64 руб./куб. м.
- по березе белой: 61,74 руб./куб. м.
- по осине: 12,24 руб./куб. м.

Расчет одного кубометра законно вырубленной древесины производится по формуле:

$$P=((c1 \times n1)+(c2 \times n2)+(c3 \times n3))/e,$$

где c – единица древостоя;

n – коэффициент состава древостоя;

e – количество единиц в составе, которое всегда равняется 10.

Исходя из коэффициентов состава древостоя, принятого за основу расчета, стоимость одного куб.м. законно вырубленной древесины составляет 82,62 руб./куб. м. Применяя коэффициент индексации $K=1,3$ к стоимости вырубленной древесины, получаем следующую стоимость 1 куб.м. незаконно вырубленной древесины 107,41 руб./куб. м.

Учитывая, что запас вырубленной древесины составил 6,3 куб. м. и 50-кратное увеличение ущерба, а также, что рубка совершена в защитных лесах, итоговая ориентировочная стоимость ущерба удваивается в сравнении с незаконной рубкой в эксплуатационных лесах и составила 67 668,30 руб./куб. м.

Заключение

Проведена оценка процессов антропогенного воздействия при строительстве полигона ТКО вблизи с. Чля Николаевского района Хабаровского края на окружающую среду с применением информационных технологий:

- 1) Показаны на примере строительства полигона, применение данных ДЗЗ в рамках оперативного слежения и оценки антропогенного воздействия на окружающую среду доступными и эффективными средствами;
- 2) Выявлено незаконное использование земель лесного фонда при строительстве полигона твердых бытовых отходов вблизи с. Чля, что составляет на 0,007 км² больше, чем планировалось.
- 3) Определены значения NDVI (03-04) по периметру строительства полигона, что свидетельствует об угнетенной растительности.
- 4) Получены количественные показатели ущерба нанесенного Колчанскому участковому лесничеству Николаевского лесничества Хабаровского края, который составил – 67 668,30 руб./куб. м.

Применение дистанционного мониторинга является весьма перспективным направлением для эффективного принятия решений в области управления, контроля и восстановления окружающей среды.

1. Гонсалес, Р.С. Цифровая обработка изображений / Р. Гонсалес, Р.Е. Вудс; перев. с англ – М.: Техносфера, 2005. – 1072 с.
2. Бабаянц, П.В. Дистанционный экологический мониторинг промышленных центров / П.В. Бабаянц, В.М. Керцман / Минеральные ресурсы России. Экономика и управление.– 1997. – С.34-38.
3. Опарин, В.Н. Оценка пылевого загрязнения атмосферы угледобывающих районов Кузбасса в зимний период по данным дистанционного зондирования Земли / В.Н. Опарин, В.П. Потапов, О.Л. Гиниятуллина и др. // Физико-технические проблемы разработки полезных ископаемых. – 2014.– № 3.– С. 126-137.
4. Калабин, Г. В. Спутниковый мониторинг реакции растительного покрова на воздействие предприятия по освоению Сорского медно-молибденового месторождения / Калабин Г. В., Горный В. И., Крицук С. Г. // Физико-технические проблемы разработки полезных ископаемых, 2014 – № 1. – С. 153-161.
5. Мячина, К.В. Исследование динамики ландшафтной структуры нефтедобывающих территорий степной зоны Предуралья с применением ГИС-технологий на основе спутниковых данных / К.В. Мячина // Геоинформатика – 2016. – №2.– С.2-13.
6. Усиков, В.И. Использование информационных технологий в эколого-геохимической оценке отходов горнообогатительных комбинатов юга Дальнего Востока / В. И. Усиков, Л. Н. Липина // Экология промышленного производства. – 2016. – № 4. – 2-8.
7. Геоинформационный портал ГИС-ассоциации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.gisa.ru>.
8. Стандартная общественная лицензия GNU(GPL) [Электронный ресурс]. – Режим доступа :<http://www.gnu.org/licenses/gpl.html>.
9. Satellite monitoring of vegetation mantle response to the Sorsk copper-molybdenum mine impact Kalabin G.V., Gorny V.I., Kritsuk S.G Journal of Mining Science. 2014.– Т. 50. – № 1. – P. 155-162.

10. Черепанов, А. С. Вегетационные индексы [Текст] / А. С. Черепанов // Геоматика. – 2011. – № 2. – С. 98-102.
11. Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства. Постановление Правительства РФ от 22.05.2007 №310 (ред.от 09.06.2014 г.)
12. О ставках платы за единицу объёма лесных ресурсов и ставкам платы за единицу площади лесного участка, находящегося в федеральной собственности. Постановление Правительства РФ от 22.05.2007 г. № 310 (ред. 09.06.2014 г.)

Scientific publication

Scientific achievements of the third millennium

The collection of scientific papers of the materials VIII International scientific
conference "Scientific achievements of the third millennium"
30.09.2018

SPLN 001-000001-0335-SA

Signed print 11.10.2018. Circulation 400 copies.
Format.60x841/16.
Paper, offset. Printing operative.
Printed by SPC "LJournal"
Editor Chief: Ivanov Vladislav